

Роман Воронов

Когда погаснут звёзды

Джюльетта: «Ты будешь любить меня вечно?»

Ромео: «Я буду любить тебя страстно,

Пусть страсти стезя скоротечна,

Но в вечности звёзды гаснут».

Роман Воронов

Когда погаснут звезды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69215812

SelfPub; 2023

Аннотация

Сборник рассказов-притч погружает читателя в вечный спор человека с самим собой, где же находится Бог, если Он есть, и если Его нет, то где пребываю я.

Содержание

Пролог	4
Город голубых крыш	5
Две синьоры	22
Дюжина глотков	41
Я, Бог и Дирижер	56
День, с которого все началось	66
Вавилонский Рог	78
Смытые водой строки	97
Два Бога	108
У Райских Врат	118
Дай мне, где стать...	134
Встреча	146
Имеющий уши...	157
Старый долг	168
Когда погаснут звезды	181

Роман Воронов

Когда погаснут звезды

Пролог

– Кому молишься? – строго спросил священник у оборванца, сидящего на ступенях храма в ожидании милостыни и бьющего поклоны в сторону от крестов.

– Богу, – не прекращая молитвы ответил тот.

– Бог там, – насмешливо произнес священник, указывая на двери церкви.

Попрошайка оттопырил дырявый карман:

– Нет, Бог здесь.

– Там ничего нет, – рассмеялся священник. – Пустота.

– Это и есть мой Бог, – улыбнулся беззубым ртом нищий, – Ничто подле меня.

Город голубых крыш

*Я потянулся за охрой, а Мастер сказал: – Возьми голубой.
– Но черепица не бывает голубого цвета, – возразил я.
Мастер только улыбнулся и макнул мою кисть в небеса.*

Проживание воплощения, а для подавляющего большинства душ, согласно их Контрактам, откровенное выживание (не зря это благословенное с виду место во Вселенной некоторые называют космической тюрьмой), сродни путешествию сквозь непроходимые джунгли в одной набедренной повязке и без мачете – влажно, страшно и неудобно. Одной рукой вы отводите пальмовый лист, закрывающий обзор, другой хватаетесь за толстенную лиану, оказывающуюся скользким и трепетным телом молодой анаконды, при этом ваши ноги голыми ступнями давят многочисленных сколопендр и вместе с ними противно лопающихся под пятками мохнатых пауков, а впереди рычит, вздыхает, хрюкает и чавкает беспокойная жизнь изумрудного царства с его пантерами, муравьями, кайманами и прочей нечистью, единственная цель которой, впрочем, как и вашей, остаться в живых, и что самое отвратительное – за чужой счет.

К сожалению, правда, надо еще выяснить, почему душа ощущает себя в проявленном виде именно так. Единственный ее инструмент в «джунглях» – сознание – увы, беззащи-

тен (мачете при рождении не выдается). Стоит ему (сознанию) ослабить хватку, как следующая пальмовая ветвь хлещет по физиономии, а ноги цепляются за корни миртовых деревьев, и запросто можно оказаться носом в сырой земле, обильно орошенной испуганным вами же капибарой.

Ах, как хочется остаться на месте, не двигаться и зарастать травой, покрываясь плотным слоем мха, и ждать, сохраняя остатки жизненных сил исключительно на дыхание, законного перехода обратно. Но врожденная брезгливость пересилила пораженческие настроения и я, чертыхаясь, как сапожник у дверей питейного заведения, поднялся со дна бытия, столь привлекательного для страждущих чувственных наслаждений, и, обдирая локти и колени, двинулся дальше.

Наградой мне стали заросли манговой рощи, очаровавшие и одурманившие сладкими ароматами и сочными плодами, чей живительный нектар еще не успел высохнуть на подбородке; как я, почти счастливый и вполне сытый, вывалился на плоское, как блюдце, плато, с которого открылся изумительный вид на раскинувшийся в долине город белоснежных, полупрозрачных домов, увенчанных крышами голубого цвета.

Я громко икнул, то ли пораженный увиденным, то ли последнее манго было лишним, но звук моей возмущенной утробы породил явление странное, неожиданное и необъяснимое. Передо мной прямо из воздуха материализовался бравого, почти грозного вида вояка, обряженный в си-

ние доспехи, опоясанный синим мечом и сверкающий из-под открытого забрала синими, пытливыми глазами. Сними он свой шлем, бьюсь об заклад, наверняка под носом у него топорщились бы усищи, естественно, синего цвета. Ошеломляющую воображение картину портил только рост рыцаря, подойди он ко мне вплотную, уперся бы султаном, украшавшим макушку шлема, мне в колено.

– Я Страж Города, – коротко представился синий коротышка и уперся в меня ледяным взглядом.

– И что это значит? – спросил я, старательно сдерживая улыбку, пытавшуюся прорваться наружу.

Страж сделал шаг вперед:

– Это означает, что войти в Город ты не можешь без моего разрешения.

Будь ноги мои обуты, я бы отпихнул наглеца размером с курицу и проследовал бы дальше, не заботясь о судьбе синего вояки, ковырявшегося в зарослях манговых пальм среди обломков своих доспехов. Но лодыжки, исковерканные переходом сквозь джунгли, ныли от ран и усталости, а синий меч в руках Стража, который он уже успел достать из ножен, был, похоже, настоящим.

– Как же мне получить разрешение? – перешел я на миролюбивый тон, тем не менее ругая себя за то, что разговариваю с вооруженной «крысой», вместо того, чтобы просто перешагнуть через нее.

– Я задам тебе двенадцать вопросов... – начал было

Страж, но я понимающе закивал головой и прервал его:

– И если я правильно отвечу, то ты пропустишь меня.

Идет, только давай не на кулинарные темы.

Я захохотал, довольный собственной шуткой, на что синий человечек, нисколько не обидевшись,отреагировал странным образом. Он наклонился и поднял за лапку большого рыжего муравья, на удивление жертва не трепыхалась и вела себя смирно.

– Послушай, дружок, – обратился Страж к насекомому, – не напомнишь ли мне условия квантового перехода гелия?

Муравей вполне ожидаемо не напомнил. Со всей осторожностью Страж, неплохо разбиравшийся в физике, вернул насекомыша на место:

– Смышленный паренек, но молчун.

После чего с усмешкой взглянул на меня:

– Вопросы для входа в Город голубых крыш будут не о кулинарии, а о Боге.

– Шоу с муравьем, надо полагать, должно было доказать мне мою ничтожность перед грядущим? – огрызнулся я, не совсем понимая, куда клонит баклажановый сторож.

– Я буду оценивать не правильность ответа: истина непостижима, а саму попытку, – спокойно сказал Страж и, запихнув синий меч обратно в ножны, добавил, – довольно пустой болтовни, приступим к делу.

– А если я не хочу входить в Город? – попробовал пофрондерствовать я.

– Обратного пути нет, – улыбнулся Страж, – джунгли подсознания проходимы только в одну сторону, все попытки вернуться к началу обречены.

Я обернулся, сказанное синим не вызывало сомнений, но так, на всякий случай. У самой кромки манговых зарослей, сливаясь с зеленою травой, лежал огромный кайман с полуприкрытыми рогами безжалостных глаз. Вопросов больше не осталось.

– Начинай, – подтвердил я Стражу свою готовность к экзамину.

Тот почтительно кивнул:

– Первый вопрос. Бог один?

Я стал лихорадочно перебирать в уме; Бог-Отец, Бог-Сын, а Дух Святой – это Бог или нет, сколько богов в греческом пантеоне? По-моему, двенадцать, а языческие истуканы? Суммировать их или остановиться на одном Абсолюте? В вопросе был подвох, это ясно, низкорослик при оружии явно имел комплекс – доказывать всем собственную состоятельность вопреки размерам. Я молчал, пауза затянулась.

– Прямо как муравей, – съязвил Страж.

«Чертов карлик определенно пытается сбить меня с толку», – подумал я, и ответ тут же пришел в голову:

– Бог один, когда я думаю о Нем, но Он многолик и многогранен, когда Его призывает каждый.

– О, муравей шевельнул лапкой, – отозвался Страж.

– Скорее, языком, – поддакнул я его же тоном.

– Из твоих слов следует, что Бог есть совокупность мнений каждой души о Нем, и такой ответ принят.

Страж сделал шаг назад:

– Второй вопрос. Есть ли у Бога отражение?

«Если Он смотрится на что-то, что способно вернуть Ему Его образ, – решал я, – то, что это может быть? Возможно, человек, как подобие Его, вот только такое «зеркало» слишком криво. Что может разглядеть Господь, когда все добродетели будут преломляться в грехах и пороках?» Я посмотрел на Стража, карлик опять вынул на свет Божий оружие и весьма ловко размахивал им, демонстрируя виртуозное владение мечом и не обращая никакого внимания на меня.

Точно, уводит с пути истинного, отвлекает завораживающими фигурами, рисуемыми стальным острием на фоне голубых крыш. Ответы кроются в вопросах, мне нужно разгадать логику синего мучителя. «Первый вопрос был о едином Боге, теперь понятно, он тащит меня по заповедям – осознание пронзило мозг». «Не воссоздай себе кумира», – вот о каком «отражении» спрашивает Страж.

Синий меч перестал рассекать воздух:

– Сообразительный попался собеседник, – констатировал мой оппонент. – Жду ответа.

Итак, синего интересовало, возможно ли создать образ Бога, Его отражение, то есть кумира, который явно не будет являться Богом, но при этом поклоняться ему как истинному Творцу? Но ведь это так и происходит, человек отдает ве-

ру свою и любовь вымышленному образу, фантому, кумиру, не понимая, не зная, не осознавая истинного Создателя.

– Бог это и есть отражение, но не оригинала от человека, а человеческого сознания от истины. Вот мой ответ, – выпалил я, пристально глядя на Стража.

– И этот ответ принят, – сказал он и шагнул назад.

– А он правильный? – с сомнением произнес я.

– Частично, – уклончиво ответил Страж.

– На какую долю от Истины? – настаивал я.

– Ровно на ту, которую твоя душа занимает в теле Бога, – снова загадкой отметил синий карлик-воин. – Продолжим. Мой третий вопрос: стоит ли говорить о Боге?

Я довольно заулыбался, все складывалось, третья заповедь «Не помяни имени Господа всуе...» Совсем недавно, продираясь через джунгли, я поминал Имя Его ежесекундно, перемежая при этом с чертыханиями и сквернословием, будто ничего особенного в том, что слова эти имеют право стоять рядом, и не было. Вопрос сейчас разворачивался иной стороной: не «стоит ли говорить о Боге», а «чего стоит не говорить о Боге». Сотрясая без умолку само понятие Абсолюта, в конечном итоге можно свалить (в контексте разговора – профанировать) незыблемый доселе монумент истины.

Вслух же я произнес следующее:

– Произносить Имя Господа следует тогда, когда все иные слова выбраны, но... – тут я сделал паузу.

– Твое «но» звучит интригующе, – подбодрил Страж.

– Но есть ли иные слова, кроме Имени Его? – закончил я мысль.

Синий нахал театрально захлопал своими железными перчатками, от вибрации забрало упало, и он стал похож на механического уродца-рыцаря, подпрыгивающего на одном месте. Закончив аплодировать, Страж поднял забрало:

– Все слова мира есть в Имени Бога, посему поминаем Его постоянно, отсюда и Всеосведомленность Его о делах наших и мыслях. Твой ответ принят.

Он сделал еще один шаг назад. Внизу, в Городе, играла музыка, что-то бравурное, веселое. Она перемещалась меж голубых крыш, словно духовой оркестр-невидимка маневрировал по улицам так, чтобы все жители могли поприветствовать музыкантов, а те, в свою очередь, горожан. Страж, дав мне еще немного времени насладиться далекой мелодией, задал четвертый вопрос:

– Какой сегодня день?

В моем личном летоисчислении на сегодня приходился понедельник, но эта крыса в латах явственно намекала на «Помни день субботний». Нужно было подумать с ответом. Синие глаза без устали сверлили мою несчастную переносицу в попытке проникнуть внутрь и поковыряться в тайниках моей души. Я же, не будь дурак, левым полушарием исследуя отголоски эха собственного сознания на предмет четвертой Заповеди, правой полусферой мозга нивелировал все потуги недоростка-рыцаря вскрыть мой череп. Наконец, он устал

и моргнул, а я воспользовался моментом и нанес ответный удар:

– Суббота, сегодня суббота.

Страж встрепенулся:

– И почему же?

– Всяк, носящий Бога в сердце и не бросающий Его на за-
дворки памяти, пребывает в субботном дне, то есть вне вре-
мени.

– Стало быть, по-твоему, течение энергии Времени запус-
кает отсутствие Бога рядом с душой, – воскликнул доволь-
но мой синий собеседник и хлопнул железными перчатками
себя по железным же бокам. – Хороший муравей.

– Спасибо, – не обиделся я. А Страж отпрыгнул назад и,
протянув руку к Городу, произнес:

– Когда войдешь под сень голубых крыш и встретишь от-
ца, узнаешь ли его? А подойдет на улице мать и обратится к
тебе, ответишь ли ей?

«Час от часу не легче», – пронеслось в голове. Родителей
своих я лишился давно, и, хоть вопрос о почитании напра-
шивался по очередности Заповедей, насеченных на скрижа-
лях, тем не менее поставил меня в тупик. Надо полагать, что
место, куда я стремлюсь, судя по словам синего охранника,
меняет облик людей, не говоря уже о том, что обитают в нем,
в том числе и умершие. Кстати, а так ли надо мне туда?

Страж все-таки проник в мою черепную коробку:

– По-другому не получится, – весело пробормотал он. –

Никак.

Поскольку теперь я находился в дне субботнем, размышления мои тут же материализовались в ответ:

– Узнан под маской может быть только тот, кто дорог, кто любит через обиды, а ответ вызовет та, что дала и жизнь, и любовь через жертву.

Мой посиневший экзаменатор принял позу Наполеона, ей Богу, получилось очень смешно:

– Я понял речь твою так: почитание есть шлейф любви, но не замена ее.

Мне пришлось согласно закивать головой, ибо он сказал то, что я и думал, только более емко. Удовлетворенный Страж развел короткими ручками и отодвинулся еще на шаг. То, что произошло далее, никак не умещалось в рамки предыдущего течения нашей беседы. Синий гном молниеносным движением выхватил из ножен меч и совершил умопомрачительный выпад в мою сторону. Сделать подобное на таких коротких ногах было не возможно, однако стальное острие коснулось моего кадыка.

– Что ответишь? – прохрипел он холодно, и я уперся взглядом в посеревшие, неподвижные глаза.

Не убий, завертелась спасительная фраза, но пересохший от страха язык прилип к небу. Мелкий гаденыш нажал сильнее и не моргая высматривал, как мне казалось, абрис моего скальпа. Я судорожно сглотнул, чувствуя кожей шеи сталь:

– Приму судьбу от Бога, но не от человека.

Меч звякнул о ножны и удобно улегся в свое ложе:

– Это ты о жертве, а что, если меч в твоей руке?

– Выполню волю Бога, но не человека, – не задумываясь,

сказал я.

– Ответ принят, – Страж повернулся ко мне спиной и вернулся на прежнее место, добавив еще один шаг. Его суровое лицо расплылось в слащавой улыбке. – В Городе полно красивых женщин. Как поступишь?

– Смотреть в глаза каждой и видеть там Бога, – речь моя сегодня, здесь и сейчас, опережала или шла рука об руку с мыслью.

Страж недоверчиво прищурился из-под забрала:

– Слова часто расходятся с делами. Обнаружить Творца при сильном желании и некоторой сноровке можно и в трухлявом пне, до отказа набитом жуками, членистоногими и прочими беспозвоночными обитателями, но заключить его в страстные объятия... Брр, другое дело – пышнобокая дева с улыбкой Ангела и жаркими устами.

«Ба, – удивился я, – а мелкий рыцаренок то не дурак по части женского пола, и про бока, и про уста в курсе.

– Так что, – прервал Страж мои размышления, – скажешь?

– Уже сказал, – резко ответил я надоевшему охраннику голубого Города. – В каждой женщине Бог, но узреть Его возможно только в глазах одной единственной.

Синий ловелас ухмыльнулся:

– Ограничения не всегда полезны, но в данном случае... – Он почмокал губами в глубине своего железного «батискафа». – Ответ принят.

Совершив очередной шаг назад, синий демонстративно побряцал перчатками по блестящему нагруднику:

– У меня на шее висело распятие, фамильная реликвия, серебро, инкрустированное топазами.

Острые синие глаза уставились на меня снизу с мольбой:

– Ты не брал?

Уловки Стража Города голубых крыш походили на приемы стареющего фокусника из дешевого балагана, вместо того чтобы просто спросить мое отношение к заповеди «Не укради», он устроил цирковое представление для публики, не соответствующей мне по возрасту.

– Я не брал, – сказал я сухо, – по одной элементарной причине: на тебе не было никакого креста.

– А если бы был, то взял? – парировал нахал, меняя жалостливый взгляд на исследовательско-пытливый.

– В зависимости от его ценности, – пошутил я.

– Значит, богатым горожанам стоит остерегаться тебя, а мне, Стражу Города, подумать о твоём недопуске, – не оценил шутки синий гном.

– Желание обладать побуждает к воровству, – подумав, сказал я.

– Не значит ли это, что Создатель, запрещая брать чужое, учит необладанию? – подключился Страж, продолжая ощу-

пывать нагрудник.

– Необладанию материальным, иллюзорным, потому что украсть способность любить или наличие таланта невозможно, – радостно затараторил я. – «Не кради» это предостережение от бессмысленной траты энергии на... разгон тумана, стремление из последних сил ухватить мираж, обрести, положив жизнь, пустоту.

– Ах да, вот же он, – Страж выудил из наколенника серебряный крест, инкрустированный топазами. – Случайно завалялся, и, кстати, ответ принят.

Маленький хитрец улыбнулся и отодвинулся назад. Город голубых крыш стал на шаг ближе.

– Ты ведь знал, что фамильная драгоценность там? – сказал я с укоризной и показал пальцем на железное колено.

Страж кивнул.

– Зачем солгал? – удивился я и тут же догадался: следующая заповедь – «Не лги».

– Не лжесвидетельствуй, – поправил меня собеседник. – И вообще-то я мог обронить крест случайно и действительно не знать о его местонахождении, ты же сейчас настаиваешь на обратном, и это вполне можно расценить как оговор. Что скажешь?

Мелкий бесенок был прав: мало проку от того, что я так решил, вопрос, как на самом деле. Получается, любое мнение, оглашенное в пространство Вселенной, кроме Слова Божьего, запросто подходило под понятие «неправда». Не

лжесвидетельствуй, ведь речь в заповеди идет об отношении человека к человеку, не говори того, чего знать не можешь, даже если тебе кажется по другому. Близний твой поступает так, как велит ему Господь Бог, через контракт, под давлением эволюционного груза, внутри обстоятельств, обусловленных кармой, а вовсе не так, как видится тебе, стало быть, осуждение поступков Его, высказывание собственного мнения – лжесвидетельство, от которого и отговаривает законом своим Бог.

– Я услышал твой ответ, – удовлетворенно произнес Страж.

– Но я ничего не сказал, – возразил я.

– У меня есть уши и отверстия в шлеме, – синий вояка показал железным пальцем на дыры сбоку. – Ответ принят.

Он вновь отступил назад, бодро звякнув шпорами.

– Знаешь, – после некоторой паузы очнулся Страж, – в Городе люди счастливы и радостны, у них есть все, чего бы они ни пожелали, ибо любой запрос осуществляется моментально.

– Не возжелаю ли я того, что увижу у других? – догадался я, с нескрываемым интересом вглядываясь в улицы голубого Города, становившегося все ближе.

– Именно, – подтвердил мою догадку Страж.

– Но коли я вошел в Город, значит, как горожанин, сам могу иметь все, чего пожелаю, и в наличии чувства зависти отпадает необходимость сама собой, – я посмотрел на себе-

седника, тот утвердительно покачал султаном на шлеме.

– А если я ношу в себе зависть, то ты же сам непустишь меня за ворота?

Страж снова качнул султаном.

– В таком случае, – закончил я мысль, – не желая ничего у ближнего своего, будешь иметь все свое, а именно, получишь пропуск в Город голубых крыш.

– Не могу не принять такой ответ, – только и промолвил непреклонный Страж.

Дождаясь «заслуженного» шага назад от синего, я мучился загадкой, заповеди закончились, но Страж предупредил о двенадцати вопросах. Что еще ожидает меня, какие испытания приготовил маленький синий рыцарь, прежде чем откроет мне врата в Город? А он и не думал затягивать с экзаменом:

– Слушай одиннадцатый вопрос. Кто ты?

«Ух ты, – пронеслось по всем закоулкам и трещинам моего мозга, – с заповедями и впрямь была разминка. Я тот, кем ощущаю себя сейчас, то, каким смыслом наполняю свое существование, и нечто, каким образом хотелось бы себя представлять вообще.

Синий карлик точно знал мои мысли.

– Но были и другие жизни, – вставил он вслух.

– Да, – согласился я, – и там происходило все то же самое, но в ином ментальном виде.

– Значит, тебя много?

– Значит, так.

Страж глубокомысленно вздохнул:

– Из твоего ответа делаю вывод, что ты многолик в пределах количества своих воплощений.

– Выходит, – пролепетал я, обдумывая его гиперболу.

– Стало быть, ты усеченный Бог, оби настоящий Создатель многолик Абсолютно.

– Но это только подтверждает парадигму, что мы частицы Божьи, – восторженно прокричал я.

– На этом и остановимся, – спокойно осадил мой пыл Страж и шагнул назад. – Остался последний вопрос: кто я?

– Мое эго, – не раздумывая выпалил я, и мы оба вытаращили глаза.

Первым опомнился Страж:

– Ого, да ты превзошел самого Робин Гуда.

– Чем же? – приходя в себя, спросил я.

Страж подмигнул:

– Он расщепил чужую стрелу, а ты – свою.

– А есть разница?

– Конечно. – Страж подпрыгнул на месте. – Свою жалко.

Я опешил, а мой синий насмешник заржал так, что забрало хлопнулось вниз, а сам он загромыхал своей железной скорлупой, словно два десятка вражеских солдат беспощадно колотили его мечами, топорами, копьями и вообще всем, что попадалось им под руку.

Когда он угомонился и поднял свою железку, я, глядя в

его мокрые от слез глаза, недовольно спросил:

– Ответ принят?

– Нет, – неожиданно буркнул Страж. – Ты назвал меня, но не сказал, кто я есть.

– Ты тот, кто не пускает меня в Город, – заторопился я.

– Да, – подтвердил синий мучитель, – но кто я есть?

– Ты есть часть меня, не пускающая дальше, – начал я подыскивать определение Стражу.

– Да, – снова согласился он. – Но кто я есть?

– Ты есть я, стоящий у входа и приглашающий меня открыть двери самостоятельно, – завопил я что было мочи.

Страж вынул меч и с размаху вонзил его в землю:

– Ответ принят.

Он широким жестом указал на Город:

– Думаешь, почему стены домов белые, а крыши голубые?

Нет, стены прозрачны, чтобы все видели друг друга, а крыши – отражения небес, дабы каждый зрел Бога. Иди, мой друг, врата открыты.

Две синьоры

*Всяк сорвет яблоко и вкусит его,
Но один скривится от кислоты,
А другой насладится сладким нектаром.*

Донна Пиа, вспотевшая и раздраженная, с трудом отпихнув тяжелую створку кафедральной двери, выставила, наконец, необъятных размеров тело на «подиум» главного портала собора, и свежий, напоенный соленой влагой Альборана ветер не без удовольствия нырнул в ее бездонное декольте. Донна глубоко вдохнула, выгоняя проказника обратно широким сандаловым веером, и, поправив прилипшую ко лбу прядь, перекрестилась.

Сегодняшняя служба далась нелегко: епископ затянул с проповедью, к слову сказать, о грехе прелюбодеяния, отчего краснел не к месту и беспрестанно спотыкался, с трудом подбирая выражения и старательно пряча глаза от паствы, состоявшей в основном из женщин. Почтенные (в смысле возраста) синьоры да и юные сеньориты к неловкости положения проповедника относились с пониманием и держали себя в руках, стараясь не хихикать, не улыбаться и, вообще, не выказывать и малейшей своей осведомленности по обсуждаемой теме. Священник же, дрожащим голосом декламируя взгляды католической церкви на подобное грехопадение

человека и ужасающие его последствия, всякий раз скользая взглядом по уже известному нам своими выдающимися формами декольте донны Пии, вздрагивал и икал.

«Зачем Господь наш Всемогуший так мучит его», – думала синьора, жалея в душе служителя церкви, еще нестарого мужчину, сгибавшегося над своими записями под грузом обета безбрачия. Да и способен ли пастырь, чистейшая душа, рассуждать о преступлении, как судия, будучи облаченным в мантию, но не ознакомившись с тонкостями дела? Мысль эта показалась Пии занятой, и она с улыбкой посмотрела епископу прямо в глаза. Несчастный проповедник, поймав взгляд, истолковал его по-своему и стал в ступор. Широко раскрытым ртом он хватал воздух, внутри, под рясой, булькало и хрипело, острый кадык, словно взбесившийся поплавок, запрыгал под кожей. Епископ закашлялся и, неосторожно махнув рукой, сдвинул страницы шпаргалки, написанной еще в юные годы для своей первой проповеди, в самое начало.

Сейчас, как и тогда, опыта слияния с женщиной не случилось, он обращался к пастве, ничего не зная о предмете обсуждения, и осуждал неведомое, когда те, сидящие в нефе и внимающие слову его, были скорее учителями, нежели учениками.

Господи, так и ты, не познанный нами, вынужден выслушивать придумки о Себе и зрить образы самого Себя, не соответствующие истине. Лишенный дороги разве воспримет

яму на ней, не познавшему свободы как определить высоту стены?

Донна, а с нею и весь воскресный приход с нескрываемым удивлением уставились на безмолвно шевелящего губами пастора, время близилось к полудню, и если в центральном нефе было еще можно дышать, то в боковых приделах духота становилась нестерпимой. Пиа на правах пожилой и уважаемой синьоры первой двинулась к выходу, прошептав еле слышно: «Всемогущий Бог взял для демонстрации своей мудрости посредника, и в который раз им оказался бедняга епископ».

На улице после окончания воскресных проповедей ее всегда поджидала давняя подруга, донна Агуэра.

Сколько ни упрашивала Пиа свою несносную соседку ходить в собор вместе с ней, ответ всегда был один: «Не могу предстать пред очами Его в таком виде».

Вид и вправду, по обыкновению, случался неважнецкий. Высоченная и худющая Агуэра не следила за прической, не умела одеваться и самое страшное – не собиралась меняться в этом отношении. Несколько поколений благородных идальго наградили ее узким крючковатым носом и выпуклыми черными глазами, обрамленными редкими, беспорядочно торчащими в разные стороны ресницами, которые отпугивали представителей сильного пола раньше, чем Агуэра успевала открыть рот, и совершенно напрасно: из уст ее лилась речь умной, не лишенной юмора и самоиронии жен-

щины.

Сегодня Пиа увидела перед собой нечто необычное: на бархатное, лилового цвета вестидо, украшенное белоснежной гранголой, подруга нацепила иссиня-черную, с золотой вышивкой ропу – вдовствующая королева-мать, не иначе.

– Синьора, – воскликнула она, эффектно защелкнув верер, – по какому поводу столь пышный выход?

Агуэра пропустила мимо ушей колкость подруги и, прищурившись, спросила:

– Что было сегодня, дорогуша?

Долгие годы знакомства женщины следовали определенной договоренности, больше напоминавшей секту на двоих, своеобразную забаву, если бы не серьезность обсуждаемых тем. Агуэра встречала Пию после проповеди, и подруга пересказывала ее своими словами, как поняла. Представьте себе Господа Бога в роли «виночерпия», набирающего некую порцию от истин Своих в Грааль и наполняющего ею сосуд епископа, который, в свою очередь, отхлебнув и посмаковав, переливал осмысленное донне Пии, а та, хорошенько взболтав в своем сознании удивительную смесь, делилась с донной Агуэрой. Вы спросите, почему Создателю понадобились глашатаи, чтобы добраться до досточтимой синьоры Агуэры? Я не знаю, возможно, душа ее сама выбрала для себя подобную схему, но все происходило именно так.

Донна Пиа не стала томить ожиданием соседку:

– Грех прелюбодеяния выбрал Епископ в столь жаркий

день.

– И как он справился? – встрепенулась Агуэра.

– Краснел и смущался всю дорогу, – хохотнула Пиа.

Донна Агуэра, недалеко ушедшая от Епископа в вопросах взаимоотношений с противоположным полом, вполне серьезно поинтересовалась:

– Как поняла ты этот грех?

– Скорее, из поведения проповедника, чем из его речей, следовало, что прелюбодеяние – это измена, прежде всего, самому себе, давшему душой обещание хранить верность Богу и нарушившему этот обет. От того-то епископ, изменяя Богу, интересовался более не проповедью, а... – Тут донна Пиа умолкла, но подруга подсказала:

– Твоим декольте.

Пиа устало кивнула:

– Да, слово Божье, которое доверено было ему, не смогло пересилить природу мужчины.

– Но ведь и ты, дорогая, должна была одеться поскромнее, – подумала Агуэра, разглядывая разрез платья Пии, – дабы не смущать бедного епископа, неровно дышащего на твои прелести с давних пор. Знать, и ты, пусть и столь невинным на первый взгляд образом, поддалась искусу прелюбодеяния.

Донна Пиа, словно уловив в молчании собеседницы истинную ее причину, поправила накидку и примирительно проворковала:

– Может, в том и моя вина, чуть-чуть.

Ей припомнилось такое же молчание подруги после проповеди епископа на тему почитания родителей. Кажется, тогда она сказала Агуэре, что знавала отца епископа, тот был тоже священником, строгим и непримиримым, воспитывающим единственного сына не просто в строгости, а в жесточайшей аскезе, и проповедь вышла искренней, но неправдивой. После сказанного о почитании, почитать совсем не хотелось.

Агуэра долго не могла добиться от Пии членораздельного вывода, и когда она, наконец, собралась с мыслями, то выдала приблизительно следующее:

– Почитание родителя, как и почитание Бога, без любви – иллюзия, обман себя и своего отца, или матери, не суть важно.

Агуэра в ответ отделалась одной фразой:

– Ну да, Бога то обмануть не получится, – и, нахмурившись, замолчала, прямо как сейчас.

Донна Пиа искоса поглядывала на подругу, а та продолжала безмолвствовать, наполняя сознание воспоминаниями из другого дня. То ноябрьское воскресенье ознаменовалось проливным дождем, и синьора Агуэра, привыкшая встречать Пию около ступеней собора, вынуждена была прятаться под широким «зонтом» пальмы.

– Господи, да когда же он закончится, – в голос бурчала она, разглядывая, как напityваются влагой полы длинной

юбки.

Дождь прекратился ровно в тот момент, когда двери кафедрала распахнулись и на ступенях возникла Пиа. Синьора Агуэра даже не удивилась, услышав тему проповеди «Не помяни Имя Господа всуе».

Епископ, разъясняющий пастве сию заповедь, опирался на собственный опыт, в котором он, лопоухий мальчик, обиженный, опечаленный, либо пораженный недугом от поедания незрелых апельсинов, в редком случае побитый старшими товарищами обращался к Богу в поисках защиты, исцеления, успокоения, на что отец его реагировал сразу же: «Справишься и сам по пустыкам, не трогай Господа за рукав в желании получить милостыню».

При этом будущий епископ замечал: когда прихожане задавали отцу вопросы, ставящие его в тупик, он, ревнитель Имени Господнего, отправлял страждущих к Нему, не замечая мелочности притязаний простых смертных.

Вся эта подноготная сквозила в речах проповедника, явно терявшегося в правильности ответа на вопрос, когда обращение и поминание Имени Господа уместно, а когда нет. Донна Пиа, женщина добродетельная и чувствительная, безошибочно улавливала малейшую фальшь, неважно, кто находился перед ней – священнослужитель или торговец рыбой.

– Господь ждет обращения к Себе, сил у Него хватит на все и на всех. – Констатировала она, приобняв вымокшую

подругу. – Запрет на произнесении Имени Господа носит ограничительный характер, придуманный самими церковниками, дабы обращались к ним, а не напрямую к Нему.

Агуэра, потихоньку согревающаяся в объятиях Пии, решила иначе:

– Обращение, поминание всуе Господь не слышит, сила настройки просящего невелика в этом случае. Заповедь о другом: обращай к Богу внутренне, искренне, про себя, не выноси сие на суд мира, что больше напоминает самолюбование красующегося самца павлина.

– Агуэра, дорогая, – Пиа трясла за плечо подругу, будто окаменевшую в своих воспоминаниях, – с тобой все в порядке?

Женщина очнулась, вытянула и без того страусиную шею из пышной горголы и, задумчиво озираясь по сторонам, словно выискивая кого-то, произнесла:

– Я думала о Боге.

– Все мы думаем о Нем, входя в храм, – согласилась Пиа, – но тебе удастся это и без посещения кафедрала. Что же ты надумала?

Агуэра напряженно вздохнула:

– Тебе не кажется, подруга, что у нас разные Боги?

Епископ редко обращался к первой заповеди. Донна Пиа, отличавшаяся отменной памятью, что сказывалось наилучшим образом на качестве походов по базару, могла по пальцам пересчитать проповеди, посвященные этому вопросу.

Впрочем, одна лет пять-шесть назад тронула ее настолько, что сразу после окончания службы она выловила епископа в западном приделе и страстно, возможно, даже излишне поблагодарила его: «Падре, храни вас Бог за чудесные слова о едином Господе нашем, укрепившие меня в вере и понимании».

Епископ, несказанно удивленный, но весьма обрадованный такой эмоциональной реакцией, поинтересовался, как же досточтимая донна представила себе образ Всевышнего.

Оставив на секунду синьору, готовящуюся к своей исповеди, заметим, что сам епископ видел Творца в роли отца, но любящего, прощающего и справедливого. Внешне Он совпал с его родителем, но только был более сильным, крупным, этакий исполин, прячущий в бездонных складках светящихся одежд все блага и истины мира.

Тем временем донна Пиа, отдышавшись и собравшись с мыслями, затараторила: «Бог – молодой мужчина, Сын Бога и Богини, Прекрасный Идальго, сильный, верный, самоотверженный, любящий, – тут яркий румянец накрыл пухлые щеки, – смотрящий на меня, как на единственную женщину в мире.

Епископ невольно произвел умственное сравнение Бога Пии с собой и утвердился во мнении, что совершенно напрасно пялился на нее во время службы столько лет.

Выслушав пересказ из уст подруги, Агуэра, немного подумав, сказала:

– Для меня Бог – это нечто эфемерное, как мое нерожденное дитя, Ангел при крылышках и розовых ручонках, Дух, чье присутствие и есть, и нет.

Пиа вспомнила, что после своих слов Агуэра расплакалась.

– Знаешь, дорогая, – Пиа поправила бумажный желтый цветок-заколку (боже, какая безвкусица) на пучке тугих, черных, маслянистых волос подруги, – Бог один, и мы знаем это, возможно, наше представление о нем различно.

– Я не о видении каждого, я о восприятии, – донна Агуэра грустно улыбнулась. – У меня из головы не выходит давнишняя проповедь «Не сотвори себе кумира», ты мне тогда сказала...

– Я прекрасно помню, что сказала, – прервала Пиа...

Днем ранее был разговор с Епископом, она встретила его на улице, видимо, неслучайно. Священник сам окликнул ее; вид падре имел озабоченный, и всегда внимательная к мелочам донна Пиа спросила, что так тревожит святого отца в день субботний.

– Завтрашняя проповедь, – покачал головой епископ.

– Какую заповедь, ваше преосвященство, вы собираетесь обсудить?

– Вторую, донна Пиа, «Не сотвори себе кумира, кроме Господа Бога твоего», – ответил священник в глубокой задумчивости.

– Что же огорчает вас, падре? Вы неоднократно обраща-

лись к этой теме. – Удивилась Пиа.

Епископ вздохнул:

– Непонимание.

У его собеседницы глаза полезли на лоб:

– Вы не понимаете?

Священник кивнул:

– Да, досточтимая донна, я не понимаю, как возможно человеку сотворить кого-то или что-то для поклонения, кроме Бога, ибо Он Есмь Все, и пресловутый, выдуманный кумир, коему церковь запрещает поклоняться, все так же некоторая часть Отца Небесного.

Раскрасневшийся Епископ огляделся по сторонам (не слишком ли громкими были его откровения) и добавил тихо:

– По всей видимости, та, что не подвластна человеческому пониманию, и поэтому запретная. Разумей то, на что приспособлен, – не ограничение ли это свободы?

Он наскоро распрощался, и его сутана исчезла за углом таверны под вывеской «Рай и ад». Выйдя на следующий день с проповеди, Пиа сказала Агуэре:

– Кумир, дорогуша, это лукавый, ну или любое проявление анти-Бога, то есть все, что не Бог. Здесь все для меня ясно.

Именно так она трактовала для себя внутренние сомнения епископа, во время службы отражавшиеся волнами морщин на его челе.

Донна Агуэра, сопоставив факты, пришла к выводу, что

кумир – это не «альтернатива» Пии и не «нечто непостижимое» епископа, а всего-навсего объект, причем любой, одушевленный или неодушевленный, хоть причальный столб, на который человек (сотворивший себе кумира) изливает любви больше, чем на Бога.

– Ну, коли помнишь (кто бы сомневался), – Агуэра передрнула плечами, – тогда скажи вот что. Сколько, как ты думаешь, заповедей?

– Перестань, подруга, – рассмеялась Пиа.

– Их не десять, – абсолютно серьезно продолжила донна Агуэра. – Каждый из нас воспринимает законы Божьи по-своему. Заповеди у каждого свои собственные, всего их десять твоих, да десять моих, да десять его, – она указала пальцем на моряка-пьянчугу, с трудом стоящего на ногах, да...

– Я поняла, что ты хочешь сказать, – вставила Пиа. – Но к чему этот разговор?

– Давай сверимся, – возбужденно прошептала Агуэра. – Пройдемся по каждой строчке на скрижалях.

Пиа всегда избегала игр в кости или фокусников с картами между пальцев, зазывающих отгадать даму треф и получить несколько песет, но сейчас глаза ее вспыхнули огнем азарта. – Помни день седьмой, – воскликнула она и хлопнула тяжелой ладонью по плечу подруги. Агуэра завибрировала, словно тело лука после выстрела.

– Прости, – опомнилась Пиа, – моя версия такова. Какой бы труд ни обременял или облагораживал (это кому как) че-

ловека, он все одно отвлекает занятого от созерцания Лица Божьего и помыслами житейскими отгораживает от заповедей. Вспомни о Боге, вот второе имя субботы.

Агуэра, потеряв ушибленное плечо, ответила своей версией:

– Шесть дней одиночества и один день в обнимку с Богом, пока не осмыслишь и не научишься не размыкать объятий Его все семь дней.

Здесь возьму на себя смелость отвлечься и поведать читателю не знакомое подругам, но известное мне мнение епископа, размышлявшего над данной заповедью не одну ночь. Правда, сформулировав для себя, священник не решился озвучить его на проповеди. Вот оно – человек, добывающий хлеб насущный, отдай день Богу, это понятно, дабы не погрязнуть в материальном в погоне за благами, что по сути своей есть иллюзия. Но как быть священнослужителю, весь труд ежедневный которого идет на чашу весов Отца Небесного? Кому отдать день седьмой? Ведь закон есть закон. Посвятить субботу себе, чтобы отдохнуть от Бога, – звучит странно, отдать день субботний Богу по-настоящему (а не как на службе), – звучит страшно.

Услыхав версию подруги, донна Пиа, несмотря на возраст и габариты (и то и то было недетским), подпрыгнула вверх от нетерпения:

– Продолжим? Не убий. Я вижу эту заповедь так: да не убиен будет тот, кто не тронул тебя, но всяк посягающий на

жизнь, дарованную Богом, достоин умерщвления, ибо такое деяние будет справедливым, а Бог и есть Сама Справедливость.

Она победоносно взглянула на собеседницу:

– Ну, дорогая, давай.

Донна Агуэра сделала грациозный шаг вперед, словно вышла на сцену под свет софита:

– Не живи с намерением душевным, допускающим такую возможность, ибо мы все дети Божьи, как и Он, есть Любовь, пусть и в малых количествах, а коли распорядится так судьба замарать руки чужой кровию, вольно или невольно, ток сердцем останешься чист и над поверженным сможешь прочесть молитву о прощении.

Женщины, не сговариваясь, рассмеялись, – похоже, выдуманная затея нравилась обеим.

Да, и чуть не забыл, есть версия и от Епископа: «Не убий не из какого умысла», – это ясно, но как быть, когда нападают на тебя, ворог или разбойник? Слепо следовать заповеди и подставить грудь под железо или принять бой, в котором убийцей другого можешь стать ты? Где заповедь, словно стена, заканчивается и образуются трещины в кладке? Может ли Закон Божий, трактованный человеком, быть истинной незыблемой?

– Какую возьмем следующую? – Агуэра потирала ладони в предвкушении предстоящего раунда игры.

Пиа, оперев руки в боки (так она делала обычно на базаре,

собираясь устроить взбучку зарвавшимся торговцу карака-тицами), встряхнула пышной шевелюрой:

– Знаешь, я припомнила одну фразу епископа, которой он закончил проповедь: «Не укради...»

В этом месте мне придется вклиниться в повествование и приоткрыть завесу над знаменитой и столь памятной донне Пии сентенцией проповедника.

Епископу не довелось получить подобного опыта (речь о воровстве), чем он несказанно гордился, прости Господи, ведь гордыня – грех, и считал, что имеет полное моральное право читать проповедь «Не кради» с высоко поднятой головой. Семья сельского священника жила бедно, немногочисленный приход, состоявший в основном из бедствующих крестьян и рыбаков, живущих от улова к улову, с трудом обеспечивал поддержание католической церквушки в более менее приличном виде, на этом скудные пожертвования и заканчивались. Настоятель, его жена и маленький сын питались с огорода и скромными подношениями, воровать в полупустых стенах домика, походившего на собачью конуру, было просто нечего. Юность будущий епископ провел за чтением Писания, зубрежкой латыни и математическими заданиями; голова, забитая подобной мишурой, не давала волю рукам, а получение сана поставило жирную точку в сформированном понимании, чего делать не следует ни при каких обстоятельствах. Объясняя сию заповедь уже своей пастве, епископ любил повторять: «Забирая чужое, отрываешь от

одежд Господних лоскут, а под ним свет, от которого слепнет ум и сгорает совесть».

– Прекрасно сказано, – захлопала в ладоши Агуэра. – И что ответишь на это?

Ответ у Пии был готов давно:

– Оспаривать данное Господом Богом одному другим, не говоря уже о посягательстве на этот дар, есть прямое противление Его воле, что, в конечном счете, ведет к неверию. Воруешь – не веришь Богу, Его справедливости по отношению к тебе и ближнему твоему.

Агуэра снова наградила подругу аплодисментами.

– А ты? – обратилась к ней Пиа.

– Я думаю, что это испытание с двух сторон, – донна Агуэра широко развела руками, будто в ладонях держала чего-то или кого-то. – Лукавый искушает нас на слабость, – она сжала правый кулак, – а Господь испытывает на силу, – сомкнулись пальцы левой кисти.

– Как тебе это удастся? – донна Пиа с восхищением смотрела на подругу.

– Что?

– Видеть Бога таким... своеобразным.

Агуэра улыбнулась:

– Ты позволяешь мне это, но давай продолжать. Что еще осталось?

Пиа демонстративно закатила глаза к небу и, сделав вид, что вспоминает заповеди, торжественно произнесла:

– Не лжесвидетельствуй. Начнешь?

Донна Агуэра согласно кивнула:

– Ложь – это высшая степень вмешательства человека в планы Бога, искажение и осквернение Мира Его, кривое зеркало, принесенное в Рай.

– Я копну менее глубоко, – донна Пиа поправила сдвинувшийся под накидкой корсет. – Полностью согласна с недопустимостью лжи как акта взаимоотношения между людьми, но... Есть ложь во спасение, и я думаю, что обман, позволяющий наказать зло, будет понят и прощен Всевидящим Господом нашим Богом.

Она истово перекрестилась и добавила:

– Я грешна в этом, но, право слово, ложь моя не принесла вреда, только пользу.

«Сомнительный аргумент», – подумала Агуэра, но решила не осуждать подругу и, соглашаясь, покачала головой. Женщины, как правило, лучше понимают друг друга, нежели мужчины, по любому поводу сжимающие кулаки, или того хуже, хватающиеся за оружие. По этой причине слабый, но более умный пол не ходит на войну и живет дольше.

Ну а мы буквально на мгновение направим наши взоры к епископу. Вопрос лжесвидетельства всегда стоял перед ним очень остро. Рассказывая пастве о чудесах, творимых Отцом Небесным и Сыном Его, Иисусом Христом, про которые только читал, но свидетелем коих не был, священник полагал, что речи его могли быть неправдивыми, от чего пропо-

веди звучали весьма эмоционально и напряженно и прихожане ощущали необъяснимую тревогу в привычном звучании кафедрального органа.

Две синьоры стояли на ступенях храма в одиночестве, пришедшие на службу уже разошлись по домам, епископ хлопнул боковой дверцей и засеменил в пекарню, за пан-гальего, к обеденному столу.

– Закончим завистью, – сказала донна Пиа, разглядывая богатый наряд подруги.

– Закончим, – подтвердила Агуэра, не сводя взора с выдающихся форм Пии.

Снова оторвемся от этой захватывающей сцены женской дуэли и посмотрим, что думает епископ по поводу «Не возжелай ничего от ближнего твоего». Зависть епископ рассматривал как самый сильный из ядов, отравляющих душу. Нарушение последней заповеди порождало отступление и от всех остальных, в зависимости от инструмента, необходимого для осуществления замысла, воровство, прелюбодейство, убийство, лжесвидетельство – все ради получения дома, жены или овцы соседа. Читая соответствующую проповедь, он часто останавливал речь, запивая водой пересохшее горло, словно пытался разбавить пусть не сам грех, но ядовитые миазмы, выделяемые самой темой.

Пиа, глядя на беспрестанно глотающего воду священника, думала: «Неужто поселившаяся в нем Зависть заставляет Епископа напиваться перед проповедью, сная душу его

стыдом праведным, а значит, несет в руках Господа воспитательную функцию. Удивительный мир создал Творец», – рассуждала она дальше. Для проявления положительного качества, например, стыда, иной раз нужно иметь «плеть» в виде зависти. Однако, испугавшись новизны мысли, вслух произнесла:

– Желать чужого – отвратительно, чего уж тут говорить.

Донна Агуэра подхватила без паузы:

– Дух, и без того обремененный телесной оболочкой, вынужден еще и нести на плечах то, что нагрузил Господь, правда, с учетом имеющихся сил, не более, а поддаться на уловки лукавого и взвалить чужое – усложнить путь, цель которого – подъем на гору.

В наступившей тишине, там, высоко в небе, прозвенела в этот момент струна истины, не вошедшая в резонанс ни с одним мнением, ибо ее тронул сам Господь Бог, а Он пока еще в процессе самопознания и устойчивого мнения о Самом Себе не составил.

Две же синьоры, взявшись за руки, неспешно отправились в порт, Малага, знаете ли, славится горячими идальго, изысканно приготовленными кальмарами и чересчур набожными женщинами, хотя, как знать.

Дюжина глотков

*Глотку воды и воздуха цена
Поставлена Всевышним справедливо.
Все остальные платы сатана
В свою казну взимает терпеливо.*

Хождения в Палестину, столь популярные в наше время среди молодых дворян, особенно разорившихся, но древних фамилий, дело хлопотное и небезопасное. Но в двадцать лет кровь еще горяча и споро бежит по венам, ток ее быстрее мыслей, роящихся в юной голове, а лексикон молодого человека при этом напрочь лишен слова «последствия»; посему блеск шелома и бряцанье отцовского меча по снаряженному седлу приятнее слуху, нежели ворчание старой няньки и мирное потрескивание углей в камине.

Любопытство и жажда славы впихнули и меня в толпу подобных романтиков, а сам черт, не иначе как он, рогатый, в обличии священника, заправил уши густым елеем «правильных» речей о страданиях Спасителя, оскверненных маврами святынях и не отмщенных слезах Девы Марии. После чего «пастор» с забрызганной, естественно от праведного усердия слюной, сутаной отправился в ближайшее портовое заведение на встречу с бочонком золотистого эля, а мы, доведенные им до религиозного экстаза, пустоголовые идиоты, от-

плыли в Святые Земли, поискать Грааль и наполнить его по дороге кровью сарацин и прочих неверных обидчиков Христа.

Впрочем, не буду кривить душой, спасти которую я и собирался, в трюме бочонков с вином было едва ли не больше, чем с порохом, отчего потери в нашем отряде начали случаться еще до прибытия на вожделенную твердь.

На третий день путешествия изрядно потрепанные морской качкой, чрезмерными возлияниями и непрекращающимися перепалками, перерастающими в мелкие стычки, с командой нефа, состоящей в основном из греков, известных своим дурным и беспокойным нравом, мы ступили на горячие пески Святой Земли.

Господь благосклонно отнесся к нашему визиту, не считая сгинувших в пучинах средиземноморья по неизвестным причинам четырех наших товарищей, и, потратив два дня на переход, отряд достиг стен Иерусалима, влившись скромным ручейком в океан палаточного лагеря крестоносцев, готовящихся к штурму города. Этот христианский муравейник определенно походил на библейский Вавилон, бурлящий, многоголосый, сверкающий оружейной сталью, озаряемый кострами по ночам, наполненный дневной суетой тысяч мужчин, затягивающих ремни, точащих мечи, правящих щиты, раздающих приказы, шепчущихся по углам, прославляющих Христа и проклинаящих неверных.

Всего было в нем в достатке, во множестве, в неисчисли-

мом количестве, всего, кроме... воды. Солнце без зазрения совести обрушивало с небес свою жаркую силу на это новое собрание беспокойных, неумных душ, в своем невообразимом желании убивать, разрушать, сеять насилие и пожинать горе ради высших, по их мнению, идеалов. К полудню доспехи раскалялись до состояния готовой к жарке сковороды, а шатры, изорванные восточным ветром, несущим в себе стаи мелких песчинок, не давали нужной тени, и крестное воинство безуспешно искало спасения в глотке обычной воды. Тугие кошельки знатных вельмож, благородных рыцарей, как и жизни простолюдин, ставили против бурдюка, наполненного горячей, иногда и протухшей, невкусной, но столь желанной жидкости.

Мои запасы кончились еще вчера поутру. Это были два коротких судорожных вдоха, позволивших втянуть в себя остатки воды, всего лишь несколько капель, после чего я долго тряс бурдюк, с изумлением и отчаянием вглядываясь через плавающий воздух не выдающую ничего в этот «прекрасный» мир кожаную горловину.

Круглый османский щит, найденный мною еще на нефти и прихваченный в качестве трофея, подпертый с одной стороны куском разрубленного древка копья, стал моим единственным укрытием от палящих лучей. Все, что мне оставалось, это отслеживать положение солнца на небе и вслед за ним перемещать свой «зонт». Вот в таком плачевном положении и нашел меня странный человек, бесшум-

но выросший надо мной, облаченный в черные, мавританские одежды, среди стонов и проклятий измученных людей, единственный с выразительной улыбкой на загорелом лице. Незнакомец выудил из-под накидки флягу верблюжьей кожи, выдернул пробку и прохладная (о, чудо), живительная сила пролилась на мои щеки. Я, словно рыба, беззастенчиво вытянутая на берег, судорожно задергал губами, и вода слаще меда и всех вин Галлии проникла в изможденное засухой нутро.

– Благодарю тебя, – прошептал я сразу, как только он убрал флягу от меня. – Прошу, еще глоток.

– Между глотками должно пройти время, – произнес мой спаситель, показав ровный ряд белоснежных зубов, и закрыл пробкой свое сокровище.

– Для чего? – недоуменно спросил я, очнувшись от томительного забытья и желая еще влаги.

– Для осознания, – незнакомец уселся на песок возле моего щита.

Я с трудом привстал на локте:

– Осознание чего?

– Его истинной ценности, – последовал ответ. – Того, что на самом деле есть глоток.

Я прекрасно понимал истинную цену вылитой мавром воды. Сейчас, в лагере, он мог спокойно забрать за это коня одну из сопровождающих войско женщин, дорогой дамасский меч или, например мою жизнь.

– И что же это такое, глоток? – выдавил я из себя.

Незнакомец подвинул щит, заметив, как солнечное пятно напоззло мне на щеку:

– Твое, впрочем, как и их, – он указал рукой вокруг, – появление здесь.

Я обвел взглядом «Вавилон», он рассмеялся:

– Под «здесь» я имел в виду мир, воплощение человека, оно есть глоток для души, позволяющий пребывать затем в тонких планах до следующего прихода. Воплощение – это то, что питает материю души необходимым жизненным соком, это создание прецедентов для осмысления духом себя как части Создателя, это импульс, движущий самопознание, невозможный в статическом тонком мире. Если угодно, воплощение есть преграда на пути, создающая напряжение, но и созидающая опыт.

Незнакомец закрыл глаза, а я открыл рот: почти все произнесенное им было мне непонятно.

Мавр откупорил свою флягу и протянул мне:

– Сделай свой второй глоток. И пока я жадно прильнул губами к мягкому рогу изобилия, мой собеседник едва слышно прошептал:

– Путь касты Невоплощаемых, а такие имеют место быть в мире Бога, совершенно отличен от того, что доступно вашему человеческому пониманию.

Мне было наплевать, что он там бормочет, я с неохотой расстался с флягой, а мавр продолжил:

– Творец, подобно художнику, макает душу-кисть в краски-воплощения, дабы нанести мазок свершившегося опыта на великое полотно самопознания. Не совершай воплощенная душа грехопадений, на белоснежное полотно будут наноситься мазки белого же цвета, ибо мир, сотворенный Богом, чист и бел изначально. Но в плане Его непознанного замысла «раскрасить холст», познать себя, человек же, проходя эволюционный путь должен осветляться и в условно-конечном счете повиснуть на кисти белой каплей. Пусть сказанное закрепится третьим глотком.

Мой непредсказуемый собеседник снова протянул флягу, и я не заставил себя ждать. Пока влага возвращала меня к жизни, я думал, сколько же раз еще он даст мне приложиться к своему чудесному источнику. Кстати, возможно, мне показалось, но намеренно делая большие глотки, я не заметил, чтобы фляга похудела.

Приняв из моих рук чудесный, если не сказать волшебный, сосуд, мавр не стал закрывать пробку и заговорил снова:

– Душа, в абсолютном смысле, не хочет утяжеления (воплощения), ей хорошо пребывать во свете и славе Божьей, подле ног Его. Господь оплачивает схождение души в плотные слои свободой выбора, которая представляет собой, по сути, сложную энергию огромной силы и широкого спектра вибраций. Этот «капитал» душа будет расходовать в течение всего пребывания в воплощенном состоянии, но и желаю-

щих поживиться им со стороны немало.

Опять фляга была протянута мне, и я уверенно сказал:

– Четвертый глоток.

Мавр кивнул головой и улыбнулся, а я не стал пытаться за один раз высосать весь объем.

– Почему не пьешь ты?

Черный человек поправил чалму на голове и сказал:

– Мне не жарко.

Клянусь, если бы мы сидели сейчас на снежной шапке где-нибудь в Альпах, он сказал бы: «Мне не холодно».

Мавр, будто бы услышав мои мысли, рассмеялся:

– Продолжим? Энергия свободы выбора трансформируется (переходит) в процессе активации (использования, собственно, выбора) в энергию последствия, складированную, в зависимости от направления вектора выбора, «водоразделом» для которого являются заповеди, в энергетический банк Вселенной, что, образно говоря, есть весы «Добра и зла» или, если угодно, скорость самопознания, задающаяся углом наклона весов в ту или иную сторону. При этой трансформации энергии (свобода выбора в последствие) мощность ее увеличивается, а диапазон вибраций становится более узким (точнее, определенным). Свой выбор душа совершает, как бы находясь в центре сферы возможностей, но, сделав шаг, оказывается на плоскости, где определен верх, небеса, добро и низ, ад, зло. Сущности, пребывающие внизу, получают энергию в пищу, но, обладая низкими вибрациями, она

для них, скажем, используя земную терминологию, низкокалорийная. Особый интерес и жгучее желание представляют для этих существ вишенки на торте из верхних энергий.

– Не хочешь глотнуть?

– А уже пора? – удивился я, не испытывая жажды совершенно.

– Четвертый глоток, – напомнил мне собеседник, и я взял из его рук флягу.

– Именно энергия последствия окрашивает первоначальный белый цвет Божественного замысла в тяжелые, густые оттенки. Но энергия последствия нестатична, энергетический банк Вселенной – не хранилище, а всего лишь фиксация перехода одной энергии в другую. Энергия последствия трансформируется в энергию ответственности, – мавр забрал флягу, прилипшую к моему открытому от удивления рту (чтобы драгоценная вода не текла по подбородку впустую). – Здесь душа раскрывается наиболее сильно (даже больше, чем при акте выбора). Можно сказать, что самопознание – это, скорее, ответственность за деяние, нежели выбор его.

Я все еще не понимал большей части сказанного им, но слушал не отрываясь.

– Чем полнее принятие ответственности, тем выше вибрации даже той энергии, что окажется в фазе последствия ввиду и больше осветление ее спектра. Отказ от ответственности сужает вибрации до тяжелых, придавая энергии со знаком

«—» абсолютную мощь, в пределах созданного выбором импульса, увы, передаваемую вниз.

– Троица энергий, – прокричал я мысль, влетевшую мне в голову быстрой и острой стрелой.

– Не торопись, сделай пятый глоток, – мавр похлопал меня по плечу, – а я продолжу. Чистая Божественная энергия свободы выбора, даруемая душе воплощенной, спускается сверху вниз, совершая свой выбор, Человек трансформирует ее в энергию последствия (уже окрашенную), после чего кармический Совет переводит ее в плоскость осознания (или неприятия), преобразовав в энергию ответственности. Это я тебе уже объяснил, а что происходит дальше? Есть ли преобразование третьей степени? Да, это энергия трансформации. Выбор и ответственность за него, сонаправленные вверх, дают появления энергии восхождения, если «вниз» – нисхожения, если же пагубное действие выбора осознанно душой искренне и подверглось таинству покаяния, создается энергетическая точка равновесия, в которой застревает так же и энергетический поток непринятой ответственности за позитивное действие.

– Что, и доброе дело нужно осознать? – изумился я.

– Добрым оно кажется только тебе – для Высших Сил это просто деяние, изменение либо тонкой, либо плотной материи, выбор и более ничего, – сухо ответил мой собеседник. – Именно твое осознание свершенного придаст ему окрас.

– Как же понять то, что должен я понять? – скороговоркой

выпалил я обиженно.

– Вздых облегчения – это выход освободившейся энергии свободы выбора, улыбка на лице ближнего твоего или румянец стыда на собственных щеках. Проявление энергии последствия, ответственность покажет себя на сердце, которое либо сожмется от страха, либо расправит крыла радостного осознания. – мавр развел руками. – Это ли не подсказки. Я поведал тебе только что о четырех энергиях, которые Господь дарует, человек принимает, проживает (трансформирует) и возвращает Владельцу преобразованное (познанное). Смело делай шестой глоток, а я продолжу.

Дух захватило от вкуса той жидкости, что вошла в меня, воистину сказано: знание – это мед.

Тем временем незнакомец нараспев начал свой рассказ:

– Всякий раз накладывая крест на себя или видя этот символ на храме, помни: это есть знак жизни, все, что приходит извне, – первое, прежде всего от Бога (больше не от куда), и второе, как ни казалось бы это ненужным и вредным, принимай с благодарностью и выбирай пути его трансформации, ибо тебе предстоит пропустить через себя, отдать в руки Его, на суд Его и во благо Его.

– Цена воплощения – количество осознанных обменов энергии, неосознанные обмены – холостые выстрелы, в случае выбора вверх, и разрывающие ствол орудия, при выборе вниз. Все неосознанное в текущем воплощении проваливается в следующее, наполняя его событиями, уже про-

житыми однажды (безответственно), что приводит к топтанию на месте, заболачиванию общего потока эволюции. Само по себе событие (любое) создает кармичность, бессознательность бытия, уплотняет ее материю, ты не просто затягиваешь узел, ты усложняешь его рисунок. Глотни седьмой раз, а я поясню.

Мавр показал жестом, чтобы я выпил из фляги:

– Представь себе, что человек, покидая земной план, оставляет в наследство долги (спасибо, Господи, что не детям своим земным, но самому себе вновь воплощенному), не позаботившись о фиксации их размера, передав эту щекотливую сторону вопроса на совесть кредиторов.

«Я должен, но сколько, спросите у того, кому я задолжал», – говорите вы на смертном одре внукам и покидаете этот мир. Естественно, кредитор не заставит себя ждать, стоит вам только покинуть материнское лоно в следующий раз. Конечно, кармический Совет знает все ваши грешки, мелкие и не очень, до последней энергетической капельки, но как вас заставить принимать ответственность за содеянное, как научить с уважением относиться ко всем четырем энергиям креста? Только добавлением долга, увы, самым беспардонным, количественным методом. Возмущения по этому поводу принимаются. Не беспокойся, Творец выделит на воплощение определенный актив, и, когда получишь нагрузку из прошлого, зачтется в настоящем определенным облегчением жизненных обстоятельств. При этом никакого торга, лю-

бовь (она же Сам Творец) – самобалансирующая энергия. Скажешь, что из этого следует: твори, что хочешь, но бери за все ответственность. И будешь недалек от истины, которая звучит так: «Твори и отвечай».

– Надо подумать, – перебил я незнакомца, которого было не остановить.

– Делай восьмой глоток и думай, – коротко сказал он.

– Ты точно не хочешь? – поинтересовался я, отхлебывая у него на глазах из фляги изрядное количество воды (кстати, ее и впрямь не становилось меньше).

– Нет, – мавр усмехнулся, – некоторые замирали на этом глотке бесконечно.

– Правда?

– Например, Будда.

Я оторвался от фляги:

– А кто это?

Незнакомец оценивающе оглядел меня с ног до головы:

– Тебе не будет интересно.

Жесткий ответ рассердил меня:

– Откуда ты знаешь? Это несправедливо.

– Бог никогда не будет справедливым в человеческом сознании, потому что твоего воображения не хватит на воссоздание истинного образа Абсолюта. Претензии человека к Богу через молитвы, просьбы, воззвания и даже проклятия – степень приближения образа к оригиналу. Это отражение местоположения души в эволюционном процессе на-

прямую влияет на распределение/перераспределение/распоряжение четырьмя энергиями креста.

Молодая душа легко воспользуется свободой выбора, не обращая внимания на заповеди и сложно воспринимает поток ответственности, ей проще отвернуться от него, поэтому возвращенная Творцу энергия трансформации будет напоминать каракули ребенка на чистом листе, а не живописный этюд зрелого художника. Но при этом неопытная душа, по сравнению с более старой, старается активнее познать жизнь и совершает большее количество опытов в единицу времени. Ее повышенная активность – своеобразный полезный вклад в процесс самопознания.

– Ух ты, – только и смог выдохнуть я, как сразу же получил в руку флягу.

– Девятый, завершающий глоток, мой юный друг, – глаза незнакомца излучали любовь.

– Завершающий что? – немного опешив, пролепетал я.

– Нашу встречу, – просто ответил он.

– Тебе пора?

– И тебе, и мне, – мавр привстал и оглянулся на стены

Иерусалима:

– Не утруждай себя поисками Грааля, священная чаша – это весь мир Бога, Он Сам. Ты, ищущий, уже держишь ее в своих руках, ты, познающий, уже находишься внутри Грааля, все, что нужно тебе сейчас, – сделать глоток.

Я невольно повиновался его словам и отхлебнул из фляги.

Жидкость не была похожа на обычную воду, но имела терпкий, сладковатый привкус.

– Это кровь Христова и твой десятый глоток, – мавр сделал шаг в сторону города.

– Друг, – воскликнул я, – твоя фляга...

– Она теперь твоя.

Прозвучал сигнал к штурму, я подхватил меч, лежащий рядом, стряхнул с него песок, а когда повернулся к незнакомцу, его уже не было рядом, мавр удалился столь же бесшумно, как и появился. Лагерь задвигался, загудел, снопы копий развернулись в стройные, сверкающие рощи, рожки наперебой заверещали каждый на свой лад, собирая разбредшихся по округе солдат в отряды, вверх взлетели штандарты, помогая направить вассалов к своим господам, лязганье металла перемешалось с криками раздаваемых приказов и ржанием запрягаемых лошадей. «Все они идут на смерть, – подумал я, – каков же будет мой выбор?»

Рука сама поднесла флягу верблюжьей кожи к губам, одиннадцатый глоток, что в нем? Хотел ли мавр, чтобы я лез на стену, когда уже знаю финал этой затеи или отвернул прочь, покрыв себя позором, но сохранив жизнь?

– Эй, юнец, – услышал я за спиной, – чего застыл, пропустишь все веселье, давай в строй...

Хождения в Палестину, по моему глубокому убеждению, не лучшие времяпрепровождения, даже в двадцатилетнем бездумном возрасте. Когда я добрался до зубчатой кромки

стены Вечного Города, выскочивший из ниоткуда сарацин отсек мне правую руку по локоть и тут же сам получил стрелу в горло. Меня выпихнули на стену, прямо на раненого неверного, и бой покатился своим чередом. Сарацин умирал, пытаясь что-то сказать, он выдавливал через рану кровь наружу и только хрипел от боли. Наконец, поняв бессмысленность своих попыток, он слабеющей рукой указал на зажженный факел для смолы, валяющийся неподалеку, а затем на мою рану. Я понял его и дополз до факела. Сарацин ткнул в мое плечо, и мы оба потеряли сознание, я от боли, он – от потери крови. Когда сознание вернулось ко мне, «враг» мой, умоляюще смотрел на флягу, прицепленную к поясу. Он умер у меня на коленях, напоенный кровью Христа из Грааля, в поисках которого мы встретились на стене Иерусалима. Так я сделал свой двенадцатый глоток.

Я, Бог и Дирижер

Я не жалею, не жалеи и ты.

Я не скорблю, так не скорби ты тоже.

Когда нещадно мят твои цветы,

Ты предлагал мне лечь в Прокруста ложе.

Я, было, собрался начать со слов «Я и Бог», но фраза за-пестрила неприкрытой самоуверенностью, и положение не спасало даже написание «я» строчной буквой, пришлось поменяться с Богом местами, вышло «Бог и я», но, внимательно взглянув и на эту сентенцию, я понял, что она звенит чрезмерной самонадеянностью, поэтому местоимение «я», как лишнее звено из цепи, пришлось убрать, остался Бог в одиночестве, хотя и противоречащем Его истинной природе, но как обычно.

Мир формируется странным, впрочем, возможно, и нет, но тогда совершенно необъяснимым образом. Человек помещает Бога в одиночество, отворачиваясь от него под грузом самобичевания, недоверия и собственного принижения пред величием Его, Бог же при этом желает видеть человека подле себя сильнее всего, так сильно, что преподносит дар, которого человек оказывается недостойным (здесь можно поспорить), – свободу выбора. Человек, со своей стороны, видит в этом даре ни к чему не обязывающую игрушку, увлекающую

своей блестящей оберткой, таящей в недрах последствия от потребления, порой безудержного, заманчивых лакомств.

Появившийся на свет ребенок (в парадигме повествования – «Я») оказывается в «оркестре», да-да, оркестр, оснащенный инструментами и приобретенными умениями (необходимым потенциалом) есть воплощенные души, а зрительский зал, притихший и взирающий с восторгом или печалью на происходящее действо, – души на тонком плане. Вот здесь и возникает фигура Дирижера, не сам ли это Бог, но жесткое управление с помощью палочки не стыкуется с дарованной свободой выбора.

Но если Дирижер не Бог, тогда кто он? Кто уверенно занял место между темным залом, небесами и оркестровой ямой, сценой, грешной Землей и гармонизирует, создавая стройную картину мира, отдельных участников оркестра?

Творец вручил мне инструмент, побоюсь представить себя в качестве примы альтов, но на роль перкуссиониста вполне сгожусь, и создал условия, позволяющие освоить его и музыкальную грамоту, но дирижировать Сам не станет, Ему не нужна Его мелодия (тогда в чем смысл самопознания), Ему необходимо воссоздание своей симфонии свободными в смысле выбора музыкантами, Песнь песней, собранная из разделенных слов и нот силой Божественной любви.

В этом случае «видения» за дирижерским пюпитром занимает почетное место Закон Божий, прописанный в заповедях. Но Закон Божий, пропущенный через сознание чело-

века, – узковатый регламент, чья бесконечная истина, обработанная конечным инструментом-мозгом, как скальпелем, преобразуется в жесткие и немногочисленные рамки, о которые свобода выбора, налетев, отскакивает, словно шарик, направляемый в нужное (узкое) русло. Кстати, вопрос: нужное кому?

Что-то все это не похоже на взаимоотношения меня, неразумного и любящего Бога, такое управление, дабы не скатиться на дно, скорее, требуется мне, но точно не Ему (снова спорное утверждение). Господь Бог – и музыканты, и зрители, и концертный зал, включая создаваемые совместными усилиями (инструменты, стены и овации публики) звуковые вибрации. А что есть Дирижер?

По завершении представления мы поменяемся местами, переодев плотные тела на светящиеся и наоборот, перемешаемся, не в толпе, но в качестве познающих и созерцающих, ведь музыкант, лихо исполнивший только что соло на трубе и сорвавший восторженные овации зала, через час заходит в ресторан и с не меньшим удовольствием вкушает мастерство шефа, отсидевшего на концерте в первом ряду. Они оба маэстро, а стало быть, меня и Бога тоже можно так назвать.

Значит ли то, раз Бог не взошел на дирижерский подиум, что мы, музыканты, не являемся Его «инструментами»? А если так и свобода выбора убирает подчиненность, тогда кто я Ему? Часть Его самого? И да, и нет. Я Сын Божий в смысле мерцания плоти Его в моей сути, в способности вернуться,

воспарить, в наличии памяти о собственной первопричинности, в истинности утверждения «Я есмь Он», при условии моего желания соответствовать и терпеть это соответствие в физическом теле?

Может, друг Его? И да и нет. Я дружен с Ним, скорее, по той причине, что Он сам, прежде всего, считает Себя моим другом, хотя предаю Его всякий раз, когда приходит время жертвовать чем-то, так что дружба наша скорее похожа на отношения Христа и Иуды, чем на взаимную любовь к ближнему. Но вот что совершенно точно – я не слуга Ему, не младший брат, не подчиненность, не умаление, и да, при наличии свободы выбора, дара даров не инструмент.

Я достаю из, впрочем, вообще неважно, откуда я достаю зеркало, и, глядя через него на свой вопрос, вижу: а кто Он для меня? И вот здесь сознание, найдя опору в воображении, подводит меня к дверям храма. Сюда отправляются люди в поисках Бога, словно Он, Вездесущий, предпочитает находиться исключительно в этом месте, сжавшись до размеров нефа и спрятавшись на всякий случай за иконостасом, чтобы, изредка выглянув от туда, посмотреть на хорошеньких прихожанок, да подивиться изобилию яств в монашеской трапезной и количеству запертой в дубовых бочонках Христовой крови на полках погребов.

Вот и я стою на ступенях в совершеннейшем смущении и трепетном ожидании, сейчас толкну тяжеленные дубовые накованные петли, сотни лет терпеливо делающих свою скри-

пучую работу, а там Он, мой Бог, светлый, добрый, любящий. Первый шаг к такому счастью всегда дается нелегко, мрамор под ногами стерт многими тысячами подобных мне, решивших оставить мир человеков и войти в мир Бога, будто миры эти различаются, и в одном властвует Грех, а в другом благоденствует истина. Вхожу обнадеженный, а Он и впрямь здесь, седовласый, восседающий на небесных подушках в окружении крылатых младенцев, но дотронуться, дотянуться до Него невозможно, непозволительно. И дело даже не в высоте купола или слабости ног моих, причина в Его ненастоящности. Бог, взирающий на меня со всей строгостью Его принципов из-под облаков, – всего лишь краска на штукатурке, Он не мой.

Я не могу обнять образ, а мне так хочется, я не могу понять образ, а мне так нужно, я не могу услышать голос Его, ведь все заглушают чужие, в мольбах и прошениях, я не могу возлюбить Его, ибо не люблю себя сам.

Вот и ответ, стало быть, загвоздка не в храме, не в стенах, исписанных ликами придуманными, уставленными каменными и восковыми фигурами, не существующими в истине, но только в воображении писавших и ваявших их. Значит, Бог оживет для меня, когда воскрешу любовь в себе, забытую, запертую, брошенную, словно грязная тряпица, в дальний угол от нежелания стирать ее, дабы смыть пятна собственного позора и греха.

Теперь я понял, что такое Бог для меня, говорю я сам себе,

и двери храма закрываются за моей спиной. Бог сотворил человека, чтобы человек сотворил Бога, высший план – это замыкание круга, он цикличен, единое распадается на частное, из которого собирается новое единое, Гармония искусственно умирает в хаос, который, в свою очередь, возрождает гармонию более высокого порядка, но с одним необходимым условием – хаос должен иметь импульс намерения внутреннего изменения в сторону гармонии, разъединенность – возможность к соединению, человек – полное осознание своего пути к Богу.

Этот код возвращения, объединения, гармонизации есть любовь. Бог для меня – Любовь.

Створка храмовой двери приоткрылась, и вылетевшая от туда, только что осознанная истина плюхнулась к моим ногам.

«Забери, нам чужого не надобно», – услышал я голос невидимки за дверью, и створка захлопнулась, теперь, видимо, навсегда. Но вернемся к Дирижеру. Бог, я и он, не святая ли мы троица, не является ли персонаж на дирижерском подиуме Духом Святым, в чьих руках палочка гармонии, чья воля направлена только вверх, чьи крыла исключительно возносят и чье присутствие есть дыхание Всевышнего?

А если так, то не случится Божественной симфонии, пока хоть один из музыкантов фальшивит, рассматривая собственный маникюр или колени сидящей напротив скрипач-

ки, уставясь отсутствующим взором в ноты, где за расплывающимися символами встают страхи и тревоги, не обращая при этом внимания на призывные жесты Дирижера. Из темного зала все это очень хорошо заметно, и подобное безразличие к «музыкальному произведению» вызывает жалость и тревогу, а грубые и не попад звуки заставляют морщиться тонко настроенную публику.

Возлюбить ближнего – это осознать свое нахождение в оркестре и принять ту долю ответственности за исполнение, согласно которой ты занимаешь место на сцене...

Атеист захлопнул брошюру и поднял глаза на верующего:
– Что скажешь?

– Я задет, – ответил тот и, поморщившись, добавил, – и возмущен.

Атеист рассмеялся:

– А что не так? Автор помянул и храм, и Троицу, и этот, как там, неф, все из твоей жизни.

Лицо верующего сделалось каменным:

– Раньше таких – на костер.

Атеист схватился за живот, его явно забавляла реакция оппонента.

– И тебя к нему, на пару отправитесь в ад, – злобно прошипел верующий.

У атеиста брызнули слезы из глаз, он начал задыхаться от хохота.

– Бесы трясут твое грешное тело, приютившее безбожную

душу, ты дергаешься как обезьяна потому, что огонь преисподней начал щекотать твои пятки. – Верующий перекрестился. – Дай сюда мерзкую книжонку, место ей...

Атеист, едва справившись со спазмами, успел вставить:

– Третьим номером на нашем костре. – И снова взвыл от обессиливающего его гоготания.

Верующий покачал головой, глядя на атеиста, как на недоумка:

– Бог незрим и высок, дружба с Ним – почитание, а любовь к Нему – вера.

Атеист протер мокрые от слез глаза:

– Текст и впрямь дурной, но тебе не отдам, бумаги жалко, может, где и пригодится, на растопку.

– Значит, ты согласен, что книжка вредная? – хитро прищурился верующий.

Атеист покачал головой:

– Она не вредная, она лживая, но занимательная.

– Занимательность, – важно начал верующий, – есть категория бесовская, они, рогатые, потрудились над каждым словом.

Атеист устало улыбнулся:

– Чего ты завелся? Автор всего-то порассуждал на тему своего места в жизни, используя определенные метафоры. Сделал он это вполне решительно, но фактами не подтвердил, посему можно спокойно резюмировать, что все написанное – выдумка. От себя добавлю: Бога нет, как и Дири-

жера вместе с Духом Святым. Мастерство музыканта достигается упорным трудом, пальцами, стертymi в кровь и мозолями на заднице, а чудо, творимое дирижером с помощью простой палочки, – продукт его таланта, с коим он имел счастье, а порой и проклятие, появиться на свет.

Верующий злобно сверкнул глазами:

– Бога нет, говоришь, как и Духа Святаго. Да ты еще хуже этого никчемного фантазеришки, тот хоть и приравнял себя к Всевышнему, глупец, так все ж не бубнил о Его несуществовании. По мне, уж лучше быть обуянным гордыней и поминать Имя Господне, чем бултыхаться в болоте неверия с самодовольной физиономией, как ты и тебе подобные.

– Гордыня – грех, – коротко заметил атеист. – Грех – взвалить чужой труд, – и он поднял палец к небу, – на случайные обстоятельства бытия, сложившиеся столь удачным образом, и уж совсем безумие – обратить таинство «конструирования» человека в последствия банальных разборок за выживание между приматами.

После этих слов верующий хохотнул и добавил:

– Где твой хвост, правнук макаки?

Атеист, ничуть не обидевшись, похлопал себя по копчику:

– Хвост на месте, а вот ты, гордый потомок Адама, поведай-ка мне...

Здесь на мгновение оставим вечный спор людей, идущих в одну сторону параллельными дорогами, читай, по рельсам, и доказывающими друг другу, что их тропа прямее и коро-

че. Каждый из них старательно балансирует, пытаясь удержаться на своем «рельсе»; верующий размахивает религиозными догмами, атеист – научными выкладками и собственными ощущениями того мира, вернее, той части мира, в которую его поместил Господь Бог, правда, совсем не похожий на того Бога, которого ищет между строк молитвослова верующий.

Хотите, вернемся к нашим великим спорщикам? Я – нет. Накричавшись до хрипоты, они обнимутся и как добрые братья отправятся к дому, один из них наречется «Я», другой – «Бог», а между ними, как сказано в Писании, будет носиться над волнами Дух Святой, непознанная истина, Дирижер.

День, с которого все началось

Я был слишком юн для греха в тот день, пальцы мои еще не пристрастились к злату, разум не вождедел в самости, а сердце не успело наполниться ядом корысти, от того-то слова странного человека, возле которого собрались во множестве люди, по всей видимости, чего-то ожидающие от него, а он, согбенный, не обращая внимания на них, водил пальцем по земле, пока не подвели к нему деву и обвинили ее, прося рассудить их, прежде чем побить несчастную камнями, не произвели на меня столь сильного впечатления, как на разошедшихся после сказанного им.

– Пусть первым бросит камень в нее тот, кто без греха, – так отвечивал человек обвинителям. Когда площадь опустела, я поднял камень и метнул его в женщину. Она закрыла руками глаза и, разрыдавшись, убежала. Это выглядело странно, ведь я промахнулся, но тот, от которого все чего-то ждали, спросил:

– Зачем ты сделал это?

– Ты сказал, – ответил я, и он неожиданно улыбнулся.

– Подойди ко мне, отрок, – попросил он.

Мой родитель, Царствие Небесное, отправляя на базар в одиночку, всегда напутствовал: «Бойся людей незнакомых и еще больше бойся тех, кого знаешь, но доверяй всякому встречному от Бога, ибо он посланец Его».

Подобная гипербола виделась мне противоречивой, впрочем, как и мой отец, посему я никогда не использовал ее на деле. Станный человек, разогнавший толпу одной фразой, показался мне тем самым посланцем (спросите меня «почему», не отвечу), о котором без усталости твердил родитель, упокой Господь его мечущуюся душу, и я подошел к нему без страха. Глаза незнакомца удивительным образом располагали к спокойствию и доверию.

– Можешь прочесть? – обратился он ко мне, кивнув на вязь, выведенную им на песке.

Разум мой, как я уже признался ранее, был не тронут не только самостью, но и грамотностью, я отрицательно помотал головой. Человек ласково улыбнулся и понимающе подмигнул:

– Здесь написано «Чужим деянием полнится сума Отца, а собственным осуждением опустошается».

Я ничего не понял, но на всякий случай сказал:

– Мне не следовало бросать камень?

Мой собеседник поднялся с корточек:

– Ты уже бросил.

Ощущение тяжести выпущенного снаряда все еще оставалось на коже ладони, и странный человек, похоже, знал об этом:

– Камень всегда окажется под рукой, – успокаивающе произнес он. – Не от того, что Отец намеренно разбросал их повсюду, и не потому, что природа человеческая такова. Про-

сто после изгнания Адама из Сада райские яблоки осыпались на землю и окаменели.

Знаете, взрослые любят подшутить над детьми, для них это просто и безопасно. Попробуй в полночь выйти за городскую стену и покривляться перед дюжиной теней, отделившихся от кипарисовой рощи в твою сторону, а здесь дитя со слабыми ручонками, дрожащими коленями и вытарашенными в данном случае не от испуга, а от непонимания глазами. Впрочем, мне достался добрый собеседник, он снова присел на корточки и дотронулся пальцем до ближайшего камушка: – Эти застывшие плоды есть точки познания, пребывающие в равновесии до тех пор, пока рядом не оказался человек. Стоит только тронуть их, и запускаются процессы... – тут удивительный Человек осекся.

– Какие? – нетерпеливо потребовала.

– Даже просто поднятый, но еще не брошенный камень представляет собой, – снова последовала пауза, – сделанный выбор.

Глаза назаретянина, а именно так величала его толпа, устремились к небу и наполнились слезами. Чувство безмерной жалости к этому человеку захлестнуло меня, и я притронулся к рукаву его накидки:

– Но ведь я промахнулся и не причинил ей вреда.

Странный собеседник, не отрывая взора от небес, медленно произнес:

– Твой камень достиг цели, хоть тебе этого и не кажется.

Ты попал в самое сердце этой женщине.

Он посмотрел мне в глаза:

– Это свойственно человеку – делать, не думая о величине последствий, и думать, что содеянное их не несет, ибо ничтожно.

Назаретянин потрепал мою челку и, поднявшись, добавил:

– Скоро увидимся, – после чего задумчиво направился в сторону городских ворот.

Так закончилось утро того самого дня, и, хотя солнце успело много раз подняться над Масляничной Горой и спрятаться затем за зубьями Яфских Ворот, я добрался только до полудня, где меня ждала новая встреча со старым странным знакомым, увы, при менее приятных, чем первый раз, обстоятельствах.

Та же толпа, те же лица, но только налитые ожиданием не чуда, но расправы, и жадные перекошенные рты, ревушие вместо «Назаретянин» «Царь». Дорога на Голгофу представляла собой живой ручей, волнующийся, рокочущий, машущий руками, подпрыгивающий сквернословящий, хохочущий. Стоило невероятных усилий продрасть сквозь эту беснующуюся стену, просочиться меж складок халатов и туник, проскользнуть в частокле потных ног, норовящих раздавить пальцы сандалиями, и повыбивать глаза коленями, ради того, чтобы упереться в стройный, непоколебимый ряд бронзовых поножей легионеров, сдерживающих нервное ды-

хание собравшихся зевак. Едва я уткнулся носом в барельеф окреа, изображающий Марса, поднявшего копьё, как могучая рука центуриона, а именно сотники отличались такими доспехами, выдернула мое извивающееся тело из капкана людской толпы и поставила на ноги.

– Желаете поглазеть на Царя? – с усмешкой поинтересовался солдат-великан.

Я испуганно кивнул головой.

– Узри смертный бессмертие, – то ли в шутку, то ли всерьез прогреготал центурион и указал пальцем на приближающегося человека, волочащего на себе в гору огромный крест, в котором я узнал своего утреннего знакомца. На сей раз лик его, спокойный и благодушный тогда, нес на себе печать нестерпимой муки и... разочарования. Поравнявшись с нами, он остановился, силы покидали моего собеседника, это было заметно по судорожным шагам и дрожащим окровавленным рукам. Опустив один конец перекладины на землю, назаретянин рухнул на колени и повернул голову ко мне.

– Не к лицу Царю преклоняться перед подданными, – насмешливо произнес центурион и приподнял свое копьё, чтобы кольнуть несчастного.

– Еще успеешь, – промолвил тот, не отрывая взгляда от меня.

Я схватил камень, лежащий рядом, и бросил в назаретянина, кровь брызнула из рассеченной брови. Толпа взвыла от восторга:

– Спаси себя, Спаситель, а после – нас, – бесновались иудеи, визжа и хрюкая, словно ничего людского не оставалось в их сознании.

«Зачем я это сделал? – пронеслось в моей голове и тут же вернулось ответом из ниоткуда. – Это твой выбор, это выбор большинства».

Почему я? – глядя в светлые глаза мученика, вопрошал я. Дрожь в руке не унималась, как и не унималось от хохота человеческое море.

– Ты дитя, но взрослые, стоящие рядом, ничем не отличаются от тебя, – был мне ответ. – Твой камень невелик, но всеобщая ненависть превращает его в Голгофу.

– Вставай, – рявкнул центурион и ткнул в плечо назаретянина тупым концом копья. – Крест ждет.

Сморщившись от боли тот, кого именовали сегодня Царем Иудейским, поднялся с колен и взвалил крест на спину.

– Ну что же ты, Спаситель, – заорали снова в толпе, – иди, спасай.

«Каждый поднявшийся наверх Голгофы и воспаривший над совокупной ненавистью станет Спасителем», – прозвучало в моей голове. Назаретянин поволок свою ношу дальше, а легионер схватил меня за ворот и со словами:

– Дотронулся до небес, спустился на землю, – отвесил столь внушительный пинок, что грохнувшись на камни, все еще хранящие тепло и кровь стоп Царя Иудеев, я лишился сознания.

Вернули меня к жизни нежные, осторожные прикосновения. Я долго не открывал глаз, прислушиваясь к ноющей боли в нижней части спины, но, когда распахнул веки, первое, что предстало моему взору, было лицо той самой женщины, в которую утром бросил камень.

– Он умрет? – спросил я, и она сразу же поняла, о ком идет речь.

– Он умрет, чтобы родиться, – сказала знакомая незнакомка.

– Как это? – удивился я, приподнимаясь на локтях.

– Чтобы родиться Богом, надо умереть человеком.

– Откуда ты знаешь?

Женщина лучезарно улыбнулась:

– Но ты же бросил в меня камень.

После столь загадочного ответа она погладила меня по голове и исчезла в толпе, следующей за назаретянином на Голгофу, завершив своим бегством полдень того самого дня. Уже дважды пошатнув точку равновесия, причем оба раза сделав это неосознанно, я все еще пребывал сознанием в состоянии ребенка. Случившиеся встречи, казалось, не возымели никакого действия на мое восприятие себя и своей роли в окружающем универсуме. Но сколь плоскими ни были бы мои взгляды на жизнь, наблюдать чужую муку не хотелось вовсе. Я развернулся в обратную сторону и побрел к дому, где с облегчением упал на лежанку и заснул...

Силы вернулись ко мне поздним вечером. Светящиеся

точки в стремительно чернеющих небесах заняли полагающиеся им места, городской шум растворился в их бледных лучах, все вокруг остывало, успокаивалось, ослабевало, все, кроме моей неожиданно проснувшейся решимости... отмщения. Мысль о том, что гибель назаретянина, столь доброго ко мне утром и бесконечно мудрого в полдень, требует незамедлительного ответа и лучшим временем для этого будет ночь, захватила меня полностью. «Ребячество», – скажет искушенный богатым жизненным опытом читатель, но ведь я и есть ребенок, и если не вглядываться в морщины вокруг глаз и пятна седины на висках, то поведение мое вполне соответствует описанному в тот день.

Не раздумывая я отправился на Голгофу, место казни должно было придать мне сил и необходимых эмоций. Не встретив на опустевших улицах Вечного города ни единой души, я быстро добрался до вершины. Крест, в лунном свете казавшимся чудовищных размеров, лежал на земле, тела назаретянина, Царя Иудеев, на нем не было, но последнее ложе моего удивительного знакомого не пустовало. На подножии сидел человек, уронив голову на руки. В нем я узнал центуриона. «Вот кто повинен в смерти мученика», – решил я, вспомнив слова несчастного «Еще успеешь», вот кто достоин мести. Неслышно пошарив рукой, я нашел острый и увесистый камень, и, ступая так, что полевые мыши шныряли мимо, не пугаясь меня, приблизился к сотнику сзади. Как ни печален был легионер, а выглядел он именно так, и как ни

старался я быть незамеченным, опытный воин уловил движение за спиной каким-то дьявольским чутьем и не оборачиваясь произнес:

– Хочешь ударить?

От неожиданности я замер с занесенной рукой.

– Ты ведь уже дважды за сегодня брал в руку камень, – продолжил центурион, медленно поворачиваясь ко мне.

– Откуда вы знаете? – поразился я его осведомленности на предмет моих утренних приключений.

– Я Лонгин – вместилище Духа Святого, – голос солдата торжественно зазвенел над Голгофой. – Собрался бросить в меня камень, так сделай это.

Я, не опуская руки, раздумывал, нет, не над словами центуриона, а над вспыхнувшим чувством мести к человеку, имевшему косвенное отношение к смерти того, к кому я сам имел косвенное отношение.

– Я помогу тебе, – начал было он, но в ночной тишине это прозвучало, возможно, излишне резко, и я метнул заготовленный снаряд в его сторону. Камень растворился в черноте ночи, просто исчез, не издав и малейшего звука падения или попадания.

– Я помогу тебе, – повторил Лонгин, – несмотря на то, что ты снова сделал то же самое, не осознав сего.

Я закрыл лицо ладонями, ожидая справедливого наказания, но вместо всего набора страхов и фантазий, промелькнувших в моем сознании, услышал:

– Садись рядом, этот крест завтра расщепят на тысячи фрагментов, и он уже никогда более не будет единым.

Легионер похлопал рукой по кипарисовому брусу рядом с собой, и я не без волнения повинился.

– Знаешь ли ты, кто находился в теле женщины, твоей утренней «мишени»?

Я помотал головой, ощущая при этом необъяснимое чувство доверия к грозному собеседнику.

– То был Бог, Отец Небесный, в коего всяк готов метнуть камень, обвинив в жестокости, молчании, скупости, глухоте или несправедливости, считая при этом себя созданием безгрешным. Отец есть Созидатель, камень в Его сторону – разрушение, отрицание, лень, смерть. Тело женщины, даже блудницы, побитое камнями, не способно выносить дитя, дать жизнь, воспеть Свет.

Лонгин обнял меня за плечи и прошептал на ухо:

– Запомни, женщина – неприкасаемая.

– Кто же пребывал в теле Царя Иудеев? – с нетерпением воскликнул я, ожидая от собеседника чудес и истин.

– Это был Сын Божий, Иисус Христос, – центурион ответил с улыбкой, хотя в темноте я мог только догадываться о ее присутствии: – А он есть любовь.

– Значит, бросив камень в Сына, я посягнул на любовь, – мне захотелось плакать от необдуманности содеянного.

– Да, – подтвердил солдат, – ты проявил нелюбовь, а она всегда приносит кровь, боль и страдания. Тот, кто разрушает

утром, к полудню прольет кровь, такова последовательность нарушения Законов Божьих.

Я уткнулся в бронзовый нагрудник легионера и разрыдался, сильная рука легла мне на голову:

– Третье звено в этой цепи – месть.

– Месть? – всхлипнул я, проклиная себя за совершенные глупости.

– Месть самому себе, даже если ты думаешь по-другому, – Лонгин тяжело вздохнул, – Разрушая себя, растаптывая в себе любовь, душа начинает мстить самой себе, так происходит эволюционная деградация.

– Не понимаю, – прошептал я.

– Дух Святой, что говорит сейчас с тобой устами моими, это, прежде всего, прощение. Месть – камень в энергию всепрощения, всепрощения проявленной души к своему Создателю, не просившей о схождении, и всепрощение души, не готовой к абсолютной любви, к несущему таковую Сыну Божьему, – центурион посмотрел на восток, небо над городскими стенами начинало светлеть.

– Ночь заканчивается, – коротко сказал он.

– Я все еще не понимаю, – взмолился я, схватив его за руку.

– Месть – это то, что выдавливает Дух Святой из души, то, что закупоривает Божественную искру, это одно из достижений эго-программы... – тут он прикрыл ладонью рот и умолк.

Ночь того самого дня, с которого все началось, завершилась. В следующем воплощении я родился лишенным верхних конечностей, с тем, чтобы еще через пару коротких переходов, взять в руки перо и написать то, что вы только что прочли.

Вавилонский Рог

Все договоренности между человеком и Богом подписывает *лукавый*.

Пока большая вода успокаивала собственное волнение в складках и низинах вновь образованного рельефа, а вздыбленная твердь подсыхала и расправлялась в лучах пробившегося сквозь грозовые тучи солнца, два крылатых существа, удобно устроившись на стене Небесного Дворца с головокругительной высоты взирая на происходящие внизу переходные процессы, принялись обсуждать доверенную им работу.

– И зачем Ему все это? – скептически произнес один из них, именуемый в ангельской среде Конструктором.

Его товарищ, называвший себя Архитектором, прищурившись исключительно для порядка, взглянул вниз – огромная деревянная лодка только что причалила к высушенной из мутной воды горе, и из ее распахнутого чрева разбегались и расползались по округе уцелевшие после катаклизма представители земной фауны, замыкал же это буйное освобождение заросший, как проскакавшая перед ним горилла, человек.

– Ты имеешь в виду его? – ткнул пальцем вниз Архитектор, бородатый в этот момент упал на колени и обратил взор прямехонько на крылатую парочку.

Конструктор улыбнулся на шутку компаньона:

– С этим-то все ясно, а вот с его потомками...

– А вот с потомками разбираться нам, – подхватил Архитектор и раскрыл крылья лилового отлива. – И, кстати, пора начинать. Он тут, – Архитектор указал глазами на верхние палаты Дворца, – хоть и Вселюбящий, тем не менее не любит проволочек, да и наш подопечный времени зря не теряет.

На эти слова Конструктор снова взглянул на землю, по которой активно, если не сказать агрессивно, расселялись правнуки бородатого.

– Итак, – обратился он к товарищу, – каков план?

Архитектор перестал буравить взглядом верхние этажи Небесного Дворца и повернулся к Конструктору:

– Созидающий должен познать разрушение.

Молчание продлилось несколько мгновений (для справки – на Земле промелькнуло около трехсот лет), после чего ангельскому терпению Конструктора наступил предел:

– И это весь Его План?

– А чего ты хотел, Он всегда скуп на объяснения, – Архитектор сложил на груди, во след за руками – и крылья.

Конструктор задумчиво почесал начинающую лысеть пернатую голову:

– Ты уже думал об этом?

Архитектор изобразил на лице улыбку гения и утвердительно кивнул:

– Заставим их строить башню.

– Но мы делали это на альфе в созвездии Псов, – возмутился Конструктор, – она же рухнет, те были не готовы, а эти и подавно.

– Там отсутствовала свобода выбора, – отрезал Архитектор, – будем пробовать.

– Прежде, чем начнем, – Конструктор опасливо покосился наверх, – ответь, зачем Ему это?

Архитектор проживал этажом выше, помимо собственной столовой ему полагался энергетический бассейн и небольшой райский садик перед окнами, с точки зрения иерархической подчиненности, по отношению к Конструктору он мог вести себя как учитель:

– Чтобы регулировать скорость созидания. Знаешь ли, подъем в гору не может быть непрерывным, иногда требуется отдых.

Конструктор недоуменно помахал ангельскими ресницами.

– Мысль опережает материю, светящаяся ткань должна поспевать за замыслом, чего непонятного, гармония части и единого, – Архитектор махнул рукой. – Не нужно тебе пока этого. Итак, чего ждут они, – палец Ангела опустился вниз, к грешной Земле, – от Него, – тот же палец развернулся вверх.

Конструктор вопросительно закатил глаза.

– Рога изобилия, – нравоучительно ответствовал сам себе Архитектор:

– Вот его-то мы и поместим в головы человеков. Начинай

делать расчеты, братец, да поскорее.

– Мне нужна форма и место, взглянуть на грунты, – отозвался Конструктор, с готовностью потирая руки.

Архитектор свесился со стены и, приглядевшись, обнаружил место массового скопления человеков. Приложив руку к уху, он напряг тонко настроенный слух и через мгновение выдал:

– Строительную площадку они называют Вавилоном, а форма башни, – Ангел в этот раз напряг тонко-настроенное зрение, – да вот хотя бы как у этого толстяка, что обзавелся по воле Всевышнего кератиновым носом.

Конструктор внимательно посмотрел на копошащегося в грязи носорога и сразу же заявил:

– Есть решение.

Архитектор, покомпактней сложив крылья, удобно устроился меж зубцов дворцовой стены:

– Давай.

– Энергетический каркас башни выполним по следующей схеме. Вертикальные линии-тросы, представляющие из себя устремления человека к Богу, окрашенные серебряной краской, будут перехвачены горизонтальными концентрическими бандажами, армирующими кольцами, являющимися уровнями духовного самосознания Человека, своеобразными ступенями эволюционного развития души.

Архитектор удовлетворенно закивал головой: – Продолжай.

– Высота рога, тьфу ты, хотел сказать, башни, – воодушевленно затараторил Конструктор, – складывается из этих двух параметров, точнее, их связей меж собой.

– После этого проекта сможешь переехать на мой этаж, – подбодрил его Архитектор, но, подумав, добавил. – После его удачного завершения.

Счастливый Конструктор, пропустив мимо ушей последнюю фразу, радостно спросил:

– Как будем передавать?

Архитектор, почмокав лиловыми губами, неторопливо пробормотал:

– Во сне и сразу всем. Переведешь с нашего на их, Адамов. Справишься?

Конструктор кивнул в ответ.

Голос, неожиданно прогремевший сверху, не оставил сомнений в том, кому он принадлежит:

– Остановись, Конструктор.

Оба Ангела замерли в почтительном молчании, а Голос продолжил:

– Энерго-каркас башни не выдержит темпов физического строительства, ибо сознание человека не соответствует верхним уровням возводимого сооружения. Эго-программа, спутница свободы выбора, вами не учтенная, обломает «серебряные нити», замкнет их на себя в «петли самости», а «потолок развития» запустит строителей на хождение по кругу в достигнутом уровне развития.

И Архитектор, и Конструктор продолжали внимать Гласу Его молча.

– Ваш вавилонский рог превратиться в перевернутый рог изобилия, в воронку самости, – ухнул Голос, и все затихло над стенами Небесного Дворца.

– Что же теперь делать? – обескураженно прошептал Конструктор, нервно вспоминая, как прошел подобный эксперимент на Псах.

– Менять конструкцию, а заодно и форму башни, – бодро отозвался Архитектор, так же, как и его напарник, припоминая предыдущий опыт.

– Но я уже успел заложить план в головы тех, что столпились в Вавилоне, – испуганно прошептал Конструктор, вытаращив при этом чистейшего голубого цвета глаза на активно стартовавшее строительство в определенной заранее точке. – Они обтесывают скалы и пилят лес.

– Шустрые ребята, – восхитился Архитектор.

– Я разорвал соединяющий детей моих Адамов язык, – снова проявился Голос сверху. – Эго-программа вскружила им голову от достигнутых высот.

Ангелы как по команде глянули вниз: выросшая над твердью на два-три уровня башня напоминала разоренный муравейник – люди махали руками, мотали головами, орали друг на друга и хаотично перемещались, натываясь, спотыкаясь, падали и ссорились, отчего стали случаться стычки и орудия труда превратились в оружие, строительство закон-

чилось, началась эпоха войн.

– Может, и не следовало давать им столько свобод? – поднял взор к небесному куполу Архитектор, но Голос промолчал.

Конструктор тем временем с нескрываемым интересом разглядывал приспособления и механизмы для уничтожения человеками себе подобных:

– Послушайте, мастер, эти ребята с их бушующим темпераментом вряд ли серьезно станут заниматься строительством башни по нашим чертежам. Есть подозрение, что они станут сваливать материалы бессистемно и хаотично.

Архитектор, увлеченно наблюдавший в этот момент, как один индивид, раскрутив приличного размера камень в кожаном ремне (надо признать, оружие хоть и примитивное, но весьма эффективное), разнес на куски череп оппоненту на внушительном расстоянии, согласился с компаньоном:

– Значит, форма должна быть простой и нести ограничительную функцию.

– Ваше предложение, мастер? – Конструктор отвернулся от уже утомившей картины кровопролития, ангельские глаза, впитывающие подобные вибрации долго, спокойно могли заполучить катаракту.

– Башня должна иметь прямую, простую вертикальную форму о двенадцати (а как иначе) гранях, – Архитектор задумался на секунду. – Да, именно так. Материал стен подбери сам.

Конструктор имел под рукой неограниченное количество тонких тканей, конвертируемых на физическом плане в различные виды материалов. Он перебирал их в памяти Эйдоса со скоростью суперкомпьютера, и тем не менее понадобилось несколько секунд на решение:

– Есть ткань, – радостно выпалил он.

– Говори, – коротко скомандовал Архитектор.

– Стены Башни – ограничения-запреты... – начал Конструктор, а его старший товарищ неожиданно для своего статуса подхватил:

– Заповеди, умиряющие чрезмерные свободы.

Конструктор закивал головой.

– Человек, строящий эволюционный путь наверх, вынужден в соответствии с обременением свободой выбора совершать тактические и стратегические ошибки (наваливать ценный строительный материал в кучу) и будет подстрахован стенами, удерживающими хаос внутри, – возбужденно проговорил Архитектор, прогоняя поток мыслей через пространство тонкого плана. – Скорее, мой друг, надо сотворить заповеди.

– Начнем с главного? – Конструктор показал глазами на верхние этажи Дворца.

Архитектор согласно моргнул:

– Они (человеки) теперь разделены на группы по языковому признаку, каждый нарежет, натешет, нарисует себе Идола...

– Уже, – поддакнул Конструктор, – а каких рож навывдывали, как Он, – Ангел снова бросил взгляд наверх, – терпит все это.

– Если так пойдет дальше. – Архитектор привык мыслить масштабно, – к своим божествам сначала приставят человеческие тулова, а затем прилепят собственные лики.

– Катастрофа, – театрально схватился за голову Конструктор.

Архитектор строго посмотрел на компаньона:

– Первая заповедь должна ограничить безумное творчество ограниченного ума в отношении Абсолюта. Макет за тобой.

Конструктор, не моргнув глазом, тут же ответил:

– Готово.

– Нравится мне работать с тобой, – похвалил Архитектор компаньона.

На белой, как врата Небесного Дворца, физиономии Конструктора появился легкий румянец, вызванный признанием с верхнего этажа.

– Вот что я мыслю по поводу второй стены, – продолжил Архитектор, уже не вглядываясь в исторические перипетии развития человеческого общества, едва проступающие сквозь облако пыли после разрушения вавилонского исполина, – тяга наверх, к первоистине, даже свернутая, обрзанная эго-программой, будет постоянно создавать потенциал поклонения кому или чему-либо, в обход Абсолюта. Че-

ловеческой душе нужен маяк, она уверена в его существовании, она знает и помнит о нем из опыта тонких планов. Тяготение столь велико, что оно станет заставляя душу метаться до тех пор, пока свет маяка не появится во тьме бытия.

– А вы не думаете, мастер, что этой тягой может воспользоваться альтернативный план? – Конструктор слегка пожегил при упоминании обитателей Подземного Дворца.

– Таким лучом с удовольствием предстанут все и вся, кроме Бога, существующего и действующего не обманом, но исключительно любовью. Он ждет, требует другой.

– Стена, извините, мастер, заповедь готова, – произнес Конструктор и, попытавшись принять позу победителя, едва не свалился вниз.

Архитектор, элегантно жестом придержав незадачливо-го компаньона, спросил:

– Как там, на Земле?

Конструктор, повисший на его крыле, просканировав острым взглядом материи и более менее крупные острова, констатировал:

– Безобразничают, грешат направо и налево, лупят друг дружку по физиономиям, а в перерывах умудряются творить формы и поминать Всевышнего.

– Вот так они и будут расшатывать башню, дай им волю, – пробурчал Архитектор и неожиданно обратился к товарищу. – Сколько имен человек могут придумать Абсолюту?

Конструктор, вернувшись на зубец стены, развел крыла-

ми:

– На сколько частей Он сам растерзал Адамов язык.

И, взглянув на покои Всевышнего, добавил:

– Искажение истины налицо.

– Именно, – возмущенно ткнув длинным пером крыла в Конструктора, подключился Архитектор. – Бесплезно произнесенное Имя рождает фон, деградирующий уровень вибраций сказанного. Истинная мыслеформа, когда запрос идет от чистого сердца, смешивается в океане мыслей с ложными и теряется, растворяется, конечно, не для Абсолюта (Он выловит ее в любом случае), но для человека. Третья стена башни, мой друг, должна ограничить этот понятийный хаос.

– И она соткана, – доложил Конструктор, уже не пытаюсь принять каких либо поз.

– Хорошо идем, – снова похвалил Архитектор компаньона. – Может, передохнем?

– Обед? – с надеждой в голосе встрепенулся Конструктор.

– Никаких обедов, – загромыхало сверху, – они там поубивают друг друга, Тутмос Третий собирает войско.

Архитектор почтительно склонился:

– Уже начинает продолжать.

Он повернулся к товарищу и сложил губы бантиком, мол, ничего не поделаешь, египетский царек спутал все карты.

– В неумном море свободы направлений мысли и движения, – начал он, поглядывая через мохнатые брови наверх, – человеки могут в принципе перестать заниматься строитель-

ством башни.

Конструктор в знак согласия быстро-быстро закивал головой.

– Требуется стена, – Архитектор повысил голос, – напоминающая людям о... существовании стен вообще.

Ясные очи Конструктора полезли на лоб от изумления.

– Пусть таковой станет заповедь о дне, отданном исключительно Богу, в придуманном человеками временном цикле.

– Мастер, вы об их семидневке? – Конструктор ехидно прищурился. – Никогда не мог понять этого.

– Да, – подтвердил Архитектор, – начинай работу.

– Уже сделано, – Ангел широко улыбнулся, пораженному такой прытью компаньону.

– Что ж, – Архитектор был весьма доволен сотворчеством с Конструктором. – Сектор стен, посвященный Ему, мы построили, переходим к человеку.

– Это будет интересно, – заерзал от нетерпения Конструктор на прозрачном зубце дворцовой стены.

– Угу, – хмыкнул Архитектор, вглядываясь сквозь низкие облака в происходящее на земле. – Отличия от Псов разительны. Слишком много блудных сынов маются по дорогам, слишком часто сильная молодая рука воздевается над седой головой старика. Юный каменщик не постигнет науку, коли станет отмахиваться от слов опытного мастера.

– Прошу тебя, поточнее, – взмолился Конструктор, едва

улавливая смысл будущей стены.

– Человеку надобно чтить даровавшего ему жизнь и в душе (Бог), и в теле (Родитель). Никогда не прийти к почитанию великого, не чтя малого, не встав на колени перед отцом земным, не склониться и пред Отцом Небесным.

– Стена почитания, – прокомментировал Конструктор.

– И прежде всего, – уточнил Архитектор, – почитания родителя, ибо это почитание самого себя в потомках своих, осознание неизбежности факта передачи последствий собственных деяний детям, внукам и далее. Через почтение принимает человек то, что он родитель сам, даже если таковым пока не является, а значит, и берет ответственность за деяния, которую, в свою очередь не взяли предки его.

– Подмастерье, видя ошибки Мастера, исправляет их, а не усугубляет, – восхитился Конструктор.

– Ты все правильно понял, – кивнул Архитектор и, возмущенно оценив, как внизу, на пустынной дороге, один человек, расколов череп другому, с разочарованием обшаривает его пустую суму, добавил. – Сразу приступим к следующей стене, иначе наши «строители» поскидывают друг друга раньше, чем поднимутся пред Очами Его. Почитание родителя – цепочка передачи крови, а именно, информации, связующей разрозненные души в единое начало. Пролив чужую кровь на землю, прерываешь цепочку, что само по себе есть соперничество с Богом, ибо приход души в срок и дата обратного перехода запланированы Им, а непредвиденный

выброс – нет.

Бросив взгляд вниз, он заметил, что человек, не обнаружив ничего ценного для себя, стащил мертвого собрата с дороги и снова занял место в засаде, вооружившись тем же осколком скалы.

Архитектор удрученно покачал головой:

– Давай скорее.

– Уже, – коротко ответил Конструктор.

Архитектор прикрыл веки, картина башни наконец целиком проявилась в сознании – первые четыре стены, уже возведенные в тонком плане, образовали блок о Боге Сущем, следующая четверка представляла собой блок о человеке действующем, здесь требовалось создать еще две Стены, а замыкать двенадцатигранную башню будет блок о человеке помышляющем, только таким образом свобода выбора, скованная по кругу, выплеснется наверх, к владельцу, к Создателю. Он повернулся к компаньону, открытые глаза горели абсолютной осмысленностью:

– Следует пресечь нарушение родовой матрицы бесконтрольным смешением пары муж – жена, приводящим к разрыву родовых связей (безотцовщина) или убиению плода (прерывание беременности). Эта стена станет цепляться за почитание родителя.

Конструктор, даром, что Ангел, понимающе улыбнулся:

– Это нетрудно, готово.

– Для бесполого существа ты слишком осведомлен по дан-

ному аспекту физических межполовых отношений, – язвительно заметил Архитектор.

– Исключительно из книг, – парировал Конструктор, и оба пернатых существа рассмеялись.

Успокоившись, Архитектор сказал:

– Закончим Блок, – и указал пальцем вниз.

Двое, с черными мешками на головах, под покровом ночи ковырялись возле чужого амбара с явным намерением проникнуть внутрь без оповещения о сим акте хозяина.

– Изъятие чего-либо не своего, по сути, является уменьшением энергии, – монотонно, по-профессорски забубнил Архитектор. – Данной Всевышним душе ровно в том количестве, которое требуется ей для совершения контрактных действий. Строитель башни, вытаскивая из кладки чужой камень, ослабляет ее и перегружает собственную спину, итог всему – работа ближнего сделана впустую, а собственная – отягощена лишним весом. В ячейку, предназначенную для тебя, не всунешь и свое, и чужое.

Имейся в арсенале Ангелов пенсне, Архитектор обязательно таскал бы его на своем носу и в этот момент задумчиво поправил бы стекла. Конструктор, перешедший на свой уровень (этаж) из Воинства Света под началом Гавриила, по старой памяти коротко отрапортовал:

– Блок завершен.

– Прекрасно, – Архитектор потер и без того безупречно чистые ладони о белоснежную грудь. – Начнем, пожалуй,

блок о помыслах.

Конструктор с готовностью хлопнул крылом о крыло.

– Стартовая стена удержит помысел, рожденный страхом своего несоответствия перед истиной, в любой форме. Эта негативная энергия будет создавать защитную оболочку, иллюзорную в тонком мире, но вполне действенную на проявленных планах.

– Имеешь в виду свидетельство неистины, частенько используемое людьми, – догадался Конструктор.

Архитектору всегда нравился сообразительный компаньон, но сейчас он поразился скорости восприятия информации Ангелом низшего уровня:

– Да, нельзя сказать: «Я поставил мой камень, теперь твой черед», – не сделав этого, ибо следующему не на что будет укладывать свой. Вся кладка обрушится, и чем чаще будут случаться в ней подобные дыры, читай, звучать ложь, тем быстрее произойдет катастрофа.

– Конец Света, – хмыкнул Конструктор. – Стеночка готова и получилась ничего.

Архитектор расплылся в ангельской улыбке: – Не хочешь спуститься: из тебя получится прекрасный пророк.

Конструктор поморщился:

– А что, есть вакансия?

– Имеется, – подтвердил Архитектор, – и имя неплохое – Моисей.

– Увольте, – коротко отозвался Конструктор.

– Что, климат не подходит? – съязвил Архитектор.

– Век пророка недолог, а судьба незавидна, – со знанием дела сказал Конструктор, приглаживая вставшие дыбом от возбуждения перья на крыльях.

– А как же неопределимый опыт? – не унимался старший товарищ, с ухмылкой поглядывая на компаньона.

– Нет, – сухо подвел итог дискуссии Конструктор, – быть побитым камнями за правду не желаю. Давайте, Мастер, продолжим вверенную нам работу.

– Продолжим, – согласился Архитектор. – Но ты подумай, время еще есть, заодно сам бы и разобрал свои каракули.

Конструктор бросил на компаньона недовольный взгляд.

– Ну, хорошо, – спохватился Архитектор. – Помышление об уже проявленном, сотворенном, обретшим форму и наполненном содержанием есть разрушение собственного творчества, антагонистичная ему мыслеформа, убивающая желание создавать в обмен на страсть обладать, причем чужим. Строитель, поднимающий на плечах свой камень, заглядываясь на выложенный кем-то венец, спотыкается, камень сброшен и расколот, нужно возвращаться за новым, часто на переломанных ногах.

Конструктор (ну что за Ангел) понимающе кивнул:

– Есть.

– Далее, – начал Архитектор, прикрыв веки и обернувшись крылами в белый пушистый кокон.

– Довольно, – прогремел Голос из верхних палат, оба Ан-

гела изумленно уставились на купол Дворца.

– Довольно с них и десяти стен, – повторил Голос.

– Но без двух последних башню не достроить, – взмолился Архитектор.

Вместо ответа Голос произнес:

– Моисей уже на горе, сдайте ему работу.

Конструктор кивнул, сверкнула молния, очертив зигзагообразную линию от рук Ангела до пораженного, бородатого человека, от испуга тут же бухнувшего на колени.

Архитектор свесился со стены, перед Моисеем лежала плоская, каменная чушка, с нацарапанными символами, всего десять строк. Он повернулся к компаньону:

– Незамысловато.

Конструктор пожал плечами:

– А по-моему, практично и удобно.

– Пусть будет так, – снова загрохотало сверху.

– Ты не ответил про башню, – напомнил свой вопрос Архитектор.

– В их нынешнем измерении башню можно только начать, но не закончить, никак, – Голос легко вибрировал, мягко отражаясь от стен Небесного Дворца. – Две последние Стены они получают после перехода.

– Ясно, – в один голос пробормотали Ангелы.

– Благодарю за работу, – Голос смягчился окончательно, и в нем появились знакомые всем обитателям тонких планов нежнейшие интонации бесконечной любви. – Изумительный

проект, но существа шестого измерения вернуться к вашему шедевру, вавилонскому рогу.

Пока оглушенные таким признанием Ангелы приходили в себя, Моисей оправился от вспышки молнии и, взвалив на спину тяжеленную скрижаль, начал спускаться к людям.

Смытые водой строки

Говорят, когда Моисей спустился с горы и предъявил людям Закон Божий, один вечно сомневающийся, увы, история не сохранила его имени, внимательно рассмотрев каменную табличку, язвительно заметил:

– А что же, Бог твой, Моисей, не сподобился расставить слова свои равномерно, внизу полно свободного места.

– Те слова смыло потом моим, – ответил Моисей. – Ибо долог был путь от истины к неверию.

Родители даровали мне имя Фома, прямо скажем, поступок необдуманый и даже фатальный. Едва открыв глаза, я сильно засомневался, а тот ли это Свет Божий, куда мы все так стремимся из блаженного океана Господней любви и принятия друг друга такими, как есть, ибо иначе и не получается, – все как на ладони, от органов до помыслов, в надежде пройти некий, такой нужный нам урок. Он, кстати, успевает обрасти новыми полипами после очередного воплощения (да и кто сказал, что мы поумнеем в следующем), в котором наломали дров, костей и чего-то еще, о чем напрочь забываешь, покидая физический план.

Бедная женщина, с великими тяготами перенесшая все лишения и недомогания, обусловленные моим пребыванием в ней, радостно протянула руки навстречу, но я скривил физиономию так, что мягкие кости черепа приняли грушевид-

ную форму, и завопил на весь мир не о своем прибытии в него, а о страстном нежелании обниматься с кем либо, пусть это даже и моя родная мать. Мужчина, стоявший подле нее, как выяснилось позже, мой отец, покачал головой:

– Сынок, это же мама.

На его бульканье, а именно так слышалась мне отцовская речь, я начал вертеть «грушей», словно отмахивался от назойливых и непонятных звуков, издаваемых этим существом.

– Не верит, – разочарованно протянула женщина, и на ее глазах появились слезы. Мужчина обнял жену за плечи и сказал:

– Знать, быть ему Фомой, – и поцеловал в щеку сначала ее, а затем, наклонившись, и меня. Фу, какая гадость.

Дальнейшая моя жизнь складывалась следующим образом: любое чужое мнение подвергалось остракизму, а собственное, сформированное отрицанием увиденного и услышанного априори, имело весьма извращенную форму, что, к моему искреннему изумлению, совершенно не мешало лавировать в этом мире среди моральных и этических рифов, а усердно исполняющие свой долг родители, позволяли моим щекам и животу наращивать объем подкожного жира.

В то время как всевозможные учителя называли меня несносным и нещадно лупили за противоречащие мнения, матушка величала душенькой, а папенька прикасался исключительно к курчавым волосам на макушке погладить сы-

ночка и делал это весьма деликатно. Увы, я не верил ни тем ни другим, чем искренне огорчал родителей и доводил до бешенства преподавателей.

Заканчивая краткий автопортрет, могу добавить одну деталь: глядя на собственное отражение в зеркале, я на полном серьезе сомневался в том факте, что вряд ли такой человек, как я, может выглядеть столь неприглядно.

Теперь же перейдем к делу. Третьего дня я отпраздновал свое двенадцатилетие, не пышно и даже не скромно, а очень-очень тихо и незаметно. Матушка с утра чмокнула меня в лоб и назвала красавчиком («Ага», – подумал я, вспоминая рожу в зеркале), а отец пожал руку и добавил:

– Ты уже совсем взрослый (я, естественно, тут же вошел в конфронтацию с его мнением, не далее как вчера был разговор по поводу слишком раннего табакокурения). За сим все. И вот я вялюсь на солнышке у городской стены, предлагая похожим красоткам украшения из панцирей моллюсков, дело рук папаши, величающего свои поделки шедеврами, о чем лично я поостерегся бы заикаться вслух. Торговля не шла с самого начала. Спешащие по делам женщины бросали пресные взгляды на мой товар и, оценив за секунду всю экспозицию, с облегчением отворачиваясь, следовали дальше. Я бы на их месте поступил так же. Незамысловатые кольца, ромбик и завитушки были плохо обработаны, недостаточно отшлифованы и, вообще, имели вид дешевого ширпотреба, коим и являлись по сути.

Ближе к полудню я засобирился домой, людей на улицах изрядно поубавилось, солнце палило так, словно над городом повисла огромная линза, собирающая в пучок распределенную на все полушарие световую энергию, а ветер, с утра гонявший по мостовой причудливые клубы песчинок, позабыв о своем предназначении, прозрачным ковром распластался по крышам и затих, боясь полного растворения в воздухе своих разгоряченных струй. Вот тут-то и подошел ко мне водонос, щуплый, низкорослый старичок с деревянной чашкой в руке и бурдюком за плечами.

– Пить хочешь? – старик повел плечом, и в кожаном сосуде колыхнулась вода.

– Перебыюсь, – огрызнулся я. Понятное дело, пить хотелось очень, но карманы мои были пусты.

– Отказываешься, – удивился водонос. – А если это Грааль? – и он постучал кривым ногтем по чашке.

– Чего? – не понял я.

– Та самая истина, которую жаждут все, – подсказал старик.

– Сомневаюсь, – по обыкновению прокомментировал я.

– Фома, – утвердительно произнес странный человек и, наклонив бурдюк, наполнил водой чашку.

– Откуда вы знаете? – поразился я и, уже не думая о расплате, принял протянутый «Грааль».

– И так видно, – улыбаясь, ответил водонос, – по всему.

Я жадно осушил чашу:

– А пусть и Грааль, все одно, здорово.

Водонос рассмеялся, а я, приободренный его расположением ко мне, смело предупредил:

– Но денег у меня нет.

– И не надо, – согласился он.

– Разве ты не продаешь воду? – я вернул пустую чашку владельцу.

– Вода из источника не стоит ничего, – водонос спрятал чашку в карман халата. – Ее дарует Господь, дойди до него (тут я не понял, он имел в виду источник или Бога) и пей, сколько душе угодно. Я же продаю свои ноги, обессиливающие к концу дня от тяжелой ноши, что таскаю от дома к дому, но вода, мой недоверчивый друг, единственное, что чего-нибудь стоит на этой земле, конечно, если полагать осязаемые вещи.

– Почему я должен верить словам твоим, водонос? – начала сопротивляться вся моя натура.

– Потому что ты утолил жажду, а я не взял плату.

Это был железный аргумент, тем не менее я не собирался сдаваться:

– Отчего же ты не пожалел своих ног ради меня?

– Возвращаю долг, – просто ответил старик.

– Мне? – поразился я такому обороту.

– Твоему предку, – улыбнулся беззубым ртом водонос. –

Но через тебя.

Судя по всему, я являл собой жалкое зрелище (видимо,

хуже, чем в зеркале), ибо водонос снова полез за чашкой и, когда я успокоил плоть и нервы прохладной влагой, приступил к объяснению: – Твоего далекого предка величали так же, Фомой. В те времена, о которых идет речь, он был рыбаком. Забавно, не правда ли?

– Что забавно? – не понял я.

Символ Христа – рыба.

– А при чем тут Христос? – опять не понял я.

– Дело происходило в Вифаваре при Иордане. Когда я крестил Иисуса, все его ученики... – начал было старик-водонос, но я не смог удержаться от хохота. Старик определенно выжил из ума, представляя себя крестителем Христа.

– Спасибо за угощение, – сказал я, свертывая папашины побрякушки, расстеленные на тряпице, в узелок. – Как вас там?

– Иоанн, – совершенно серьезно ответил водонос. – Но я не закончил. Так вот, все Его будущие ученики так или иначе касались в этот момент воды, кроме двоих.

Старик загадочно посмотрел на меня:

– Кроме Иуды и Фомы.

– Почему? – спросил я безразлично, просто, чтобы выиграть время.

– Иуда не крещен по велению души, в противном случае осуществить предписанное контрактом предательство было бы невозможно, а вот Фома обделен мною намеренно: он введен в апостольский круг некрещеным в качестве экспе-

римента.

«Во заливает», – подумал я, но, дабы не обижать своего благодетеля (две чарки воды в городе стоили не малых денег), благочинно поинтересовался:

– Какого эксперимента?

Иоанн-водонос вздохнул:

– У меня был выбор и не делать этого, окуни я Иисуса минутой позже.

– А что случилось бы тогда? – мне очень хотелось смеяться, но я предпочел сдерживаться.

– Твой предок успел бы спуститься к реке, в том месте, где он находился, и стопы его коснулись вод ее, – на щеке старика проступила слеза.

– Прежде, чем я уйду, – сказал я строго, подумав при этом, что не поверю ни единому его слову, – скажи, зачем все это?

Мне показалось, что водонос испугался моего намерения уйти, он занервничал, засуетился и торопливо затараторил, право слово, как сумасшедший:

– Иисус должен был принести в мир две дополнительные Заповеди, одиннадцатую и двенадцатую, но к моменту крещения стало ясно, что делать этого не стоит, рано, и их смыли, вот поэтому я не мог ждать Фому.

У старика вспотели редкие седые волосенки, нижняя губа затряслась, а глаза вращались с необычной для простого смертного скоростью.

– Как это, смыть? – пробормотал я, не представляя ров-

но никакой связи между мутными водами Иордана, светлым обликом Христа и каменной скрижалию.

– Вопрос не в том, как, а зачем это сделали, – отозвался водонос.

– И все же, как? – мне не терпелось сбежать, но ноги не могли сдвинуться с места.

– Омовение в Иордане – снятие двух заповедей из памяти, той информации, что нельзя было давать человекам. Сына Божьего, осознающего себя как Дух, через омовение отключили, в каком-то смысле от возможности проговориться и передать в мир слова истины, – Иоанн понемногу успокаивался, – эта процедура на видимом плане отражается процессом взаимодействия голографического двойника человека и тонкой плазмы воды в непрявленных слоях.

Я согласно кивал головой бредням водоноса-психа, а он увлеченно продолжал:

– Тонкая плазма, настроенная определенным образом, способна нейтрализовать нужные области в невидимых телах человека, в том числе и зоны глубинной памяти, и личной, и Вселенской, то есть библиотекарь может самым удивительным образом не видеть, просто не находить на полке нужной книги, даже если ее наличие указано в картотеке.

– И все это с помощью воды? – вставил я отвлеченно, давно перестав понимать что-либо.

Иоанн не обиделся:

– А знаешь ли ты, что зона в мозге, отвечающая за память,

называется гиппокампа, что в переводе с греческого «морской конек»?

«Логика психа», – подумал я, но не стал обижать старика и просто подыграл ему:

– Омут забвения, надо полагать, тоже неслучайное околоводное понятие, – хохотнул я.

– Как и кит, – схватил в совершенном возбуждении меня за рукав водонос.

– А что кит? – вздрогнул я от неожиданности.

– Ячейка общей земной памяти, – снова выдал перл сумасшедший Иоанн самым серьезным тоном. – Но только в воде, вытащи его на сушу – всего лишь туша животного.

– Неужто любое купание... – начал я, но креститель (Господи, о чем я) прервал меня:

– Нет, нет, нет. Омование не то же самое, что и купание.

– А в чем разница?

Старик вытаращил на меня бесцветные глаза:

– В осознанности или... неосознанности.

– Значит, – сделал я вывод, – крещение – это осознанное омование.

Водонос радостно закивал:

– Погружение в воду при крещении наполняет человеческое существо информацией, выныривание снимает ее часть, либо целиком. За тем, что нужно оставить и можно убрать, следит Иоанн Креститель, Ангел-регулятор, – старик пригладил редкие волоски и приосанился, – твой покорный

слуга.

«Пора делать ноги», – пронеслось в голове, но, к великому сожалению, они словно приросли к брусчатке мостовой. А псих тем временем продолжил:

– Троекратное омовение означает, что первый раз согласие на стирание лишнего дает Бог Отец, второй – сам человек, Сын Божий соглашается с Ним, и третий раз ставится печать на это соглашение Духом Святым. Уразумел ли ты, потомок великого предка, хоть что-нибудь?

Фома, потомок Фомы в моем лице пробормотал с испуга:

– Вода, принятая внутрь организма, дает жизнь, информацию, память, погружение же тела в воду, омовение его, позволяет смыть грязь, усталость и приводит к забвению.

– Учители наверняка любят столь прилежного ученика, – язвительно заметил водонос.

– Я что-то сказал не так? – обиделся я, почувствовав при этом, как мои ноги отлепились от мостовой.

Вместо ответа Иоанн спросил:

– Хочешь пить?

Он наполнил свой Грааль, и я отхлебнул:

– А что за две заповеди?

– Две последние, невидимые, – подмигнул мне старик, – те, что смыты водой.

– И что они гласят? – во мне вдруг проснулся интерес, необъяснимый, зовущий, тянущий к себе.

– Они индивидуальны, каждый пишет их для себя, – за-

гадкой ответил водонос.

– И все? – вскричал я, и гулкое эхо поскакало по пустынным улицам изнывающего от жары города.

Старик улыбнулся:

– Обе они симметричны двум первым, но не относительно Бога, а самого человека. Большого сказать нельзя.

– Для двенадцатилетнего мальчика этого не достаточно, – прохныкал я, понимая, что хотел услышать их целиком.

Водонос, уже было повернувшийся ко мне спиной, задумался и спустя мгновение сказал:

– Дам тебе подсказки. Первая – подумай, для чего Богу потребовался всемирный потоп, и вторая – отчего некоторые души, даже сейчас, покидают мир посредством утопления.

Поправив на плече свой кожаный бурдюк, Иоанн Креститель направился прочь. В руках у меня осталась деревянная чашка.

– Твой сосуд, – крикнул я ему во след. – Ты забыл.

– Оставь себе, – ответил он не оборачиваясь. – Грааль теперь у тебя.

Два Бога

*Когда над Агнцем беззащитным
Сталь жертвенная вознеслась,
Ты, не прикрывшись очевидным,
Меж ними тихо улеглась.*

«Не откажите себе в удовольствии зачерпнуть из вселенской чаши истины кипящего ее содержимого и испить нектар блаженного знания и пронзительного опыта, дабы напитавши сим сквозь поры телесные кровь существа земного, в соитии неразрывном с оной стать соком яблока райского, что питает крыла Ангелов небесных, коими почудиться себя представить, пусть и на мгновение».

Столь причудливое объявление, начертанное размашисто и небрежно на обратной стороне старинной афиши, о чем красноречиво напоминали рваные углы и остатки казеинового клея, а также след чьей-то подошвы, возможно, разгневанного неудачным представлением зрителя, было приколото ржавой английской булавкой к ярмарочному шатру, спрятавшемуся за детской каруселью у самой опушки хвойного леса.

Мне, изрядно обалдевшему от шума беснующегося вокруг праздника, истошных детских воплей, грохота барабанов и литавр, визга труб, криков торговцев, нахваливающих

свой товар, удушающих запахов жареных каштанов и мяса, непрерывно мелькающих перед самым носом розовых облаков сладкой ваты, накрашенных ртов безумцев-клоунов и столь же ярких, облепленных гримасами недовольства собственными чадами губ мамочек, этого неудержимого людского водоворота, совершенно не хотелось склоняться над вселенской чашей и уж тем более хлебать из нее весьма подозрительную субстанцию (что туда мог набуравить лукавый хозяин шатра, а в его нечистоплотности я почему-то не сомневался, одному Богу известно), но примерить, пусть и на мгновение ангельские крылья – вот это было любопытно.

Потоптавшись на месте, скорее, из осторожности, нежели для приличия, я решительно сдвинул полог, заменяющий входную дверь, и шагнул внутрь. То, что открылось моему взору, совсем не удивило (уж и не знаю, почему): шатер был пуст, конечно, не считая персидского ковра (опять-таки не скажу, отчего я решил, что он из Персии), расстеленного прямо на траве, и внушительных размеров книги, возвышающейся на нем. Видимо, под вселенской чашей истинны организатор аттракциона имел в виду ее. Судя по кожаному крытию (ей Богу, ушло пол свиньи, не меньше) и золоченым шнурам, представленный экземпляр можно было назвать старинным, а наличие петель под замок, сделанных столь искусно, что сложно взгляд оторвать, преспокойно переводило лежащий передо мной фолиант в разряд произведений переплетенного искусства. Поверх артефакта устро-

итель аттракциона положил свернутую афишу, наподобие той, что заставила меня войти сюда (совсем не удивлюсь, если ее спина несет на себе отпечаток второй ноги). Я поднял ее и развернул, обратная сторона (как и в первом случае) была исписана тем же размашистым почерком. Текст гласил: «Чаша открывается жаждущему истин раз в четверть часа, количество глотков неограниченно».

«Все? Лаконичная инструкция», – подумал я, а оглядевшись и не найдя вокруг и намека на плату, решил: попробую ради интереса разочек. Присев на корточки перед чашей, я уже было потянулся к ней, но вдруг меня охватила неизъяснимая тревога – чего хочу открыть для себя, всегда ли истина полезна, не выпущу ли джинна из бутылки? Господи, да ведь это всего лишь фокус, аттракцион, шутка, балаганное развлечение. Спасительная и успокаивающая мысль легко прошелестела по лабиринту подсознания, а пальцы – по книжному блоку, зацепив ногтем нужную страницу. Не без труда раскрыл я кожаные крылья фолианта. Уже знакомым мне почерком было выведено: «Не поле боя страшно, а кузница, где куются мечи».

Что ж, логика фразы была ясна, по крайней мере, истолковал я ее для себя следующим образом: все явное есть следствие некой, возможно сокрытой, причины.

Непроизвольно я дернул следующую страницу, палец как будто бы уперся в лист металла, намертво придавленный к своим собратьям.

– Ух ты, – вслух выдохнул я от удивления, – а про четверть часа, похоже, не шутка.

Поразительная тишина, вопреки грохочущему празднику снаружи и тряпичным стенам шатра, стала мне ответом. Что хотел сказать обладатель вычурного почерка, он же, любитель загадок и Ангелов, своей фразой именно для меня? Что хотел узнать я сам, открывая книгу-чашу?

Течение времени определить было невозможно, хронометра при себе я не имел, а ориентироваться по солнечному пятну, едва заметно ползущему за парусиновой крышей, не умел, поэтому изредка проводил пальцем по страницам, пытаясь поддеть прилипшие друг к другу листы. В какой-то момент вдруг пришла убаюкивающая мое внутреннее возбуждение мысль: «Надо просто дождаться второй странички, и она сама по себе станет продолжением первой, ведь аттракцион задуман кем-то, и надо положиться на его план».

Палец, беспечно скользящий по блоку страниц, неожиданно зацепился ногтем за лист, я очнулся от поглотившей меня задумчивости и снова не без усилия открыл книгу.

На сей раз текста было больше: «Религия приводит человека к Богу, тому, что во вне, но отрывает его от Бога, того, что в себе, от поисков внутреннего Бога. Зачем искать того, чей облик и присутствие уже явлены».

В конце предложения ехидной рожицей расплылась жирная клякса, но это неприятное обстоятельство не смутило автора, и он продолжил ниже: «Бог триедин, и игнорирова-

ние хотя бы одной Его части (ипостаси) делает путь к Нему неполноценным».

Я захлопнул книгу, уже не пытаюсь жульничать, ближайшие четверть часа, а то, что я не покину шатра еще некоторое время, было очевидно, проверят меня на крепость терпения. Да, признаюсь, глоток подобной истины привел меня в замешательство. Набожность, заставляющая апологетов истово креститься на храмы и засыпать с молитвословом под подушкой, обошла стороной, неверие, насмехающееся над всем, что не вошло в научные книги, составило ей (набожности) компанию, я же оказался посередине, уповая и на то, и на это, одинаково доверяя модели атома и распятию. Прочтенная запись разворачивала меня внутрь, по сути своей, заставляя озаботиться вопросом, кто же есть человек, относительно Высших Сил, и сколько этих сил подвластно ему самому.

Расплывчатое солнечное пятно не желало сползать с желтой полосы шатра на красную, я дергал пальцем страницы, они оставались неподвижными. Работа мысли, связанная с ожиданием, привела меня к странному заключению: вышло, что человек, входя в храм, получал готового Бога на фреске, за окладом иконы, в слове священника, но Бог этот был заперт в стенах Дома Его, а снаружи оставался Бог не найденный, не определенный именно человеком, ибо помещался Он внутри, в самом сердце, куда не устремлял ищущий взор свой, потому как взор этот был прикован к Богу

внешнему, нарисованному. «Поворачиваясь к одному, теряем из вида другого», – хм, занятная дилемма.

Я зацепил ногтем за страничку, четверть часа (почти вечность в этом шатре) минула, следующая истина открылась. Вот, что я прочел: «Не ищи врага в поле, а друга в застолье.

Первому нужен овраг да бугор, а второму чистый и ясный твой взор».

Долгожданный луч света в темном лесу не озарил мне путь, но ослепил, да так, что всматриваться во тьму стало просто нечем. Создалось впечатление, что после сделанного глотка истины меня толкнули в затылок, и я поперхнулся полученным знанием. Не посещать храма в поисках Бога, ибо на иконостасе Его образ и только, а сам Он, истый, подле меня? Не пытаться разглядеть Его в мерцании свечей, не осязать Его в благоухании ладана, но чистым взором обратиться внутрь, к душе?

Я выждал, сколько хватило терпения, и все еще ослепленный, нащупав блок страниц, впился в него всей пятерней. Сим-сим открылся. Используя большие плавные петли и чрезмерно длинные ножки букв, хозяин шатра презентовал следующее: «Ветхий Завет есть карта, ведущая к Богу Отцу, Новый Завет – к Богу Сыну, тебе же, терпеливый путник, спотыкаясь во тьме несовершенства, написать Тайный Завет, что приведет к обоим Богам в себе».

– Как? – вырвалось у меня, и я хлопнул ладонью по странице. Пыль, толстым слоем покрывавшая ее, взметнулась

вверх, я чихнул. Вновь открывшиеся строки как результат моего, возможно, излишне эмоционального поступка ответили на нетерпеливый вопрос: «Через понимание, что есть Дух Святой, ибо Ветхий Завет о водительстве Богом Отцом детей своих неразумных, о наставничестве Его и прямом управлении заблудшими, Новый Завет о житие Сына Божьего среди нетерпимых, деяниях Его Словом Отца Небесного, воплощенного через подвиг восхождения и смерти поприще. Когда же ты, путник, приступишь к Завету Тайному, помни, что он о поиске и нахождении Искры Бога в себе, и об осознании первичности и главенства духа на телеси, об обретении Силы дарованной и имеющейся у тебя, но спящей».

«Уже смахивает на инструкцию», – решил я, есть о чем поразмыслить следующие пятнадцать минут, тем более, что теперь стало ясно: в ближайшее время шатра мне не покинуть. Итак, автор аттракциона предлагает посетителю написать некий Завет, причем, как он его величает, «Тайный», на основании осознания подопытным, что есть Дух Святой. Это напрямую явствовало из последней подсказки, до которой я добрался благодаря, если не терпению, то вспыхнувшему во мне любопытству. Да и впрямь шарада была увлекающая и таинственная. Все, что я знал и представлял о Духе Святом, укладывалось в зооморфное изображение голубем, а так же в свидетельства о том, что Дух то носится, то нисходит, то воспаряет, пожалуй, все. Не многовато теста для такого пирога, как Завет, да еще и заправленного начинкой личност-

ного восприятия.

Сознание судорожно цеплялось за понятийную часть, а воображение перебирало подходящие формы – все напрасно, голова моя была пуста, как и шатер, в котором я, усевшись на персидский ковер перед книгой, терпеливо и обреченно ждал очередного окна возможностей, чтобы поскорее отхлебнуть из чаши ответ на вопрос, который я не мог сформулировать надлежаще.

Когда же это произошло, жадному взору моему открылись строки, из которых следовало: «Дух Святой есть связь, соединяющая Бога Отца, Единое Первоначало, С Богом Сыном, Частью Единого, это есть клей на длани Творца и макровке Адама, это есть волны меж Силой колеблющей и Силой колеблющейся, это тоннель, в начале которого Ты, в конце – Свет».

«Игра» затягивала все больше, ее путеводная нить с узелками в четверть часа уводила в бездонные глубины чаши книги, с каждым последующим ответом рождался новый вопрос. Я остался еще на пятнадцать минут, не зная, последние ли. В некотором смысле содержание приобретало определенную ментальную форму, которую, приставь нож к горлу, я бы сформулировал так: «Бог триедин, но Богов, в смысле Сил Творящих, два, Отец и Сын, а Дух Святой есть Сила Связующая, Бог иного рода», но разум требовал и визуального осязания, представления образа, и желательно не в виде седовласого старика на облаке, обнимающего одной рукой

прекрасного юношу, удерживая другой белоснежную голубку.

Я выждал чуть более положенного, понимая, что уже пора, можно, но рука в задумчивости перебирала страницы, не решаясь, где остановиться. Наконец, указательный палец, вздрогнув, принял решение, и я прочел на развернутом листе: «Каждый оставит собственный след,

Как тот, что родился в яслях,

Если решится ногами идти,

А не на костылях».

Не знаю, что бывает, когда грозовой разряд ослепительной змеей опускается прямехонько на голову одинокого путника, не нашедшего в непогоду какого-либо укрытия в бескрайнем пространстве путешествия, ни деревьев, ни построек, ни ложбин или оврагов, но прочтенные строки осенили мой разум столь ярко, что я огласил шатер, начинавший превращаться для меня в тюремную камеру, воплем освобожденной мысли.

Ну конечно, чтобы закончить аттракцион, нужно сделать последнюю запись самому, как послевкусие, как итог, как выдох перед новым вдохом. Господи, как же просто, где перо, где чернила. Я знал, что напишу в книге, я был уверен в истинности того, что собственноручно волюю в чашу, надо было всего лишь пересечь вечность пятнадцати минут, перепрыгнуть из своей Вселенной во Вселенную Бога, дожидаться глотка воздуха под километровой толщей воды. И я дождал-

ся.

Без суеты, неприемлемой в столь ответственный и торжественный момент, с чувством пребывания одновременно в теле Отца и Сына, я раскрыл книгу. Страница была чиста, как и длинное гусиное перо, лежащее на ней, если бы не капля гранатового цвета на кончике, сразу и не заметишь. Я взял перо и сделал запись в несколько строк, не глядя, не думая, не вспоминая и не придумывая, и, только поставив точку, посмел опустить глаза на сотворенное. Слова были выведены тем самым, витиеватым и размашистым стилем, что и все записи в книге.

Поразительно, но сей примечательный факт несколько меня не удивил. Книга захлопнулась, из-за полога, заменявшего входную дверь в шатер, потянуло свежим ветром и голосами затихающего праздника. Я, ощущая себя обновленным и наполненным чем-то особенным, подумал: «Прекрасный аттракцион», – и вышел вон.

– Папа, – восторженно закричала маленькая светловолосая девочка, давно тянувшая отца от ларька с жареными каштанами к одинокому красно-желтому шатру, – смотри, Ангел.

– Дядя – шутник, – проворчал недовольно мужчина, – он просто нацепил крылья.

P. S. Если кому-то интересно, что написал я в книге, не поленитесь, зайдите в шатер и прочтите.

У Райских Врат

Открой врата всего лишь раз,
И я войду в одежде яркой.
Врата мои – стесненный лаз.
Не путай с Триумфальной аркой.
Тогда раскрой врата на миг.
Чтобы вползти, сдеру я кожу.
Врата мои не створок сдвиг,
А истины святое ложе.
Но коли я в грехе погряз
И нет мне места в кущах Рая,
Куда идти на этот раз?
Твоей стези я сам не знаю.

У райских врат было пусто, два Ангела-привратника, в чьи высочайшие обязанности входило распахивание изящных, полупрозрачных створок перед достойными, откровенно и довольно давно, даже по меркам этого высокого тонкоматериального слоя, скучали.

Оба имели идеальную модельную внешность, пронзительно синие глаза, длинные выбеленные волосы, ниспадающие на внушительных размеров крылья, канонически расправленные специальными силовыми упражнениями и особыми молитвами, а также благочинные, почти умильные физио-

номии. Далеко внизу, на тяжелых слоях, души выстраивались в очередь перед воротами Ада, там царило возбужденное напряжение, перешептывание ждущих своей участи, слезы, спазмы страха и волнительная дрожь, в общем, нормальная человеческая «жизнь», поднятая из плотных планов в тонкий мир претендентами-посетителями.

Пара падших ангельских Антиподов, давным-давно со скрипом отворивших тяжелые, чугунные створки адских ворот, более их не закрывали и трудились во всю. Грешников было так много, что бедные привратники Антимира валились с ног, обыскивая, ощупывая, облизывая и покусывая прущих на них плотной толпой душ тех, кто закончил земной путь и теперь искал пристанища здесь, в загробном мире.

Где-то посередине между Раем и Адом располагался Перекресток, среднего уровня вибраций слой, в серых, спокойных тонах, и приглушенным музыкальным сопровождением, а также с возможностью посещения, хоть и кратковременного, родственниками прибывшего.

Хранители поднимали тонкое естество (душу) новопреставленного именно сюда, на развилку двух дорог, одна вверх – другая вниз.

К величайшему изумлению привратников Рая все без исключения выбирали черный тоннель, низвергающий в Ад, что было поразительно, ведь никаких препон для вознесения в Рай, где ждал Отец, не существовало. Разговоры о карми-

ческом грузе, якобы гириями на ногах утягивающем в черные воды Ахерона, являлись неистинной. Да, наработанное за воплощение отягощало, но, взвалив на плечи ношу сию, можно и должно, подниматься к вратам Рая. Одна душа продемонстрировала это человекам прямо там, на Земле. Всяк воплощенный после Иисуса, зная о кресте и Голгофе, напрочь выбрасывал это знание на Перекрестке. Рай, наичудеснейшее место, обитель Отца, наполненная дыханием Его и светом, пустовал, несмотря на отчаянные подсказки Творца детям своим и откровенную шпаргалку в виде Христа.

Ангел, тот, что отвечал за левую створку врат, некоторое время поглядывал на Перекресток, не появится ли кто, но ни родственников-ожидающих, ни поднимающегося Хранителя не наблюдалось, и он обратился к напарнику:

– Тоска.

Задремавший было Правый встрепенулся:

– Что тоска?

Стоя рядом эоны лет, Ангелы знали всю подноготную друг друга, до трехсотого колена (дальнейшее копание становилось противным), покончив с родственниками и пересказав все известные анекдоты, они стали придумывать их (увы, выходило несмешно), а безысходность положения заставила даже предаться сплетням, что было совсем недостойно их ангельских чинов, которые (сплетни), в свою очередь, довольно быстро закончились по причине благого поведения окружающих, ну а адские чертоги, полные подобного добра, пло-

хо просматривались и прослушивались сверху.

– Ну хоть бы одна душенька заглянула, – заныл Левый, – у нас же хорошо.

Правый был старше и опытнее напарника, прежде чем занять пост привратника, он помыкался в рядах Воинства Света, работал клерком у Иерарха кармического Совета и, наконец, был удостоен чести выполнять роль Ангела Хранителя одного из апостолов, по этическим соображением его земного имени он не называл. Левый же поступил по обмену из другой галактики, отчего многих тонкостей человеческой души не понимал.

– Им стыдно, – коротко ответил Правый, вспомнив, как «поднимал» своего апостола.

– Не понял, – брови у Левого привратника неприлично вылезли на гладкий, как у младенца, лоб.

– Душе человеческой стыдно, – со знанием дела продолжил Правый, – за содеянное. Она боится предстать пред Очами Его, посему выбирает мучения в Аду.

Левый поразился такой логике, эмоциональное тело обитателей земли было недоступно существам его мира, и поступки здешних душ казались странными, по крайней мере, на первый взгляд. Он скептически покачал головой, намереваясь высказаться по поводу столь повышенной чувствительности к сотворчеству, да еще и направляемому свободным выбором (дай мне волю, я сам бы не стоял, как вкопанный с дурацкой улыбочкой, в ожидании непонятно кого и

неизвестно, когда, а развалился бы на шелковистой райской травке, если кто и подойдет, так постучит), как вдруг, краем глаза, заметил некоторое движение на слое Перекрестка.

– Похоже, новенький, – радостно сообщил он напарнику.

Правому, а он с удовольствием бы размял спину, но, нельзя, пришлось просто опустить глаза вниз. На Перекресток выплыл хранитель, держа за руку древнюю старушку, из встречающих было только едва заметное, слабо светящееся облачко того существа, что жило у бабки в качестве собачки. Белесое пятнышко радостно подскочило к вошедшей и устроилось между ног. Женщина недоуменно озиралась вокруг, а ее Хранитель, протянув руку вверх, получил из сферы сияния кармического Совета прозрачный сверток. Обняв за плечи бабулю, он передал ей документ и почтительно отдалился, с замиранием сердца ожидая ее выбора. Белоснежный тоннель взмывал вверх, прямо к ногам привратников, черная труба падала вниз, упираясь в конец стонущей, многочисленной очереди.

– Ну, – нетерпеливо заерзал Левый.

Его компаньон оценивающе разглядывал ауру гостыи, судя по выражению лица Ангела, сканирование шло успешно. Наконец, изучив все, что хотел, Правый авторитетно заявил:

– Монашка, Христова невеста, сердце остановилось само, ночью, весьма безболезненный переход.

– Монашка, – Левый оживленно заморгал, – так кому, как не ей, положившей жизнь свою на алтарь служения Госпо-

ду, не явиться к Нему с высоко поднятой головой? Отчего раздумывает она, все больше обращая взор свой на черный вход, на схождение, когда глаза ее привыкли смотреть вверх, на образа, в Небеса?

Не меняя положения головы, Правый оторвал взгляд от Перекрестка и переместил его влево:

– Нет на ней греха тяжкого, и вошла бы спокойно, но за молитвами неустанными пряталась она, как и за стенами монастырскими, не от людей, но от себя, а стало быть, от Бога. Страшен не сам грех, но помысел о нем.

При этих словах Ангела слегка передернуло и роскошные перья на крылах задрожали мелкой рябью.

– Грех, как деяние, – продолжил он, – исправим и обнуляем, помысел же остается жить и множиться, незрима ткань его, но прочны и цепки крючки, из коих сплетена она.

– Неужто не решится? – расстроился Левый, скорчив гримасу обиженного дитяти.

– Державши себя взаперти, убоится оказаться в Эдемском Саду также, за стеной. Душа, только вырвавшаяся из острога, всюду видит плен. Вот посмотришь, она выберет Ад не из желания согрешить, но, попутав двери, приняв мираж за явь, а отражение за первооснову.

– Ты уверен? – Левый, забывшись, хлопнул себя по бокам крылами, что противоречило и ангельской этике, и уставу привратника.

Правый улыбнулся уголками губ, стажер быстро напитки-

вался эмоциональными эманациями земного плана.

– Более всего сейчас она хочет к Богу, – Ангел чеканил каждое слово, – но пойдет к Его отражению.

Левый искренне недоумевал:

– Почему же?

– Она всю жизнь служила отражению, ничего другого ей неизвестно, – закончил объяснения Правый и взглядом указал вниз.

Левый взглянул на Перекресток и успел заметить исчезающую в темном отверстии монашку, ее Хранитель, обреченно уронил голову на грудь, сложил крылья и, вздохнув, последовал за ней.

– Тоска, – снова повторил привратник и, изобразив на кукольном лице улыбку, замер, как того и предписывал устав. Его мудрый напарник также вернул глаза в положение «как положено» и невозмутимо заметил:

– Такая работа.

Из-за стен райского сада доносилось мелодичное птичье щебетание, успокаивающее журчание фонтана живой воды и редкие крики животных, приблизившихся слишком близко к воротам и изумляющимся пустоте, царящей вне Рая. Место, которое Создатель представлял Себе как общий мир, превратилось в оазис, никому не интересный, не зовущий и, скорее, пугающий, чем притягивающий. Творец, отпустивший Адама, читай, даровавший человеку свободу выбора, теперь никак не мог заполучить его обратно.

«Поразительный эффект», – рассуждал Бог, хотя, может, мысль Его формулировалась иначе, автору сие не ведомо. Едва стражи ворот погрузились в полусонное состояние ожидания невозможного, как на Перекрестке произошло обнадеживающее движение. Очередной Хранитель вывалил, иначе и не скажешь, отдельные части физического тела.

Правый, наметанным глазом, сразу же определил:

– Служивый, не иначе.

Из встречающих была одна единственная душа, опять же, по заверениям Правого, прабабка почившего, не дожившая на земле до его рождения, пришла теперь взглянуть на внучка.

Левый приободрился:

– Солдат, чем не достойнейший соискатель. Он защищал или нападал?

Правый пробежался по ауре убиенного:

– Вообще-то, умерщвлен он, а точнее, брненное тело его, посредством фарфорового ядра. В тот момент, когда несчастный, покинул пост и отлучился справить физическую нужду, противник бухнул из мортиры просто так, может, пристреляться или от безделия, вот и вся недолга. А так, солдат принадлежал к гарнизону защитников города и уж совершенно точно военных действий лично не начинал.

Левый удовлетворенно щелкнул пальцами:

– Значит, может он подняться и как герой войти и бро-

ситься в объятия к Отцу. Чего ему стесняться, ведь жизнь свою он обменял на жизнь других?

Правый скептически поглядел сначала на перевозбуждившегося напарника, затем на прибывшую «массу»:

– Все так, но он, как и собратья его, человеческие души, и до, и после, как ты успел заметить, отправится не к нам.

– А в чем причина такого неразумного упорства землян? – заинтересованно спросил Левый, не отрывая взора от скачущей в образе белесого облачка прабабки вокруг лежащих отдельно друг от друга ног и рук внука.

Привратник, отвечающий за правую створку врат, почмокал губами:

– Он (душа) выбрал смерть на ратном поле сам, чтоб усмирить живущий в сердце гнев. Взгляни на цвет контракта, он алый, стало быть, метод перехода намечен через кровопролитие.

– Зачем же выбирать такой конец? – Левый не переставал удивляться историям человеческих душ.

– Иных путей избавиться от гнетущего ее недуга эта душа не придумала, – Правый задрал глаза наверх. – Отец Небесный милостив к нему, раз не позволил замараться чужой кровью и ждет солдата в Свои объятия, но тот предпочтет Ад.

Левый, злостно нарушив устав, подпрыгнул на месте:

– Ну почему, когда наградой ему Рай?

– Рука не намахалась сталью, глаза не зрели смерть вра-

га, – нараспев ответил Правый.

Левый, немного успокоившись, принял подобающую позу:

– Думаешь, он все еще во гневе?

Правый отыскал среди фрагментов голову бедняги:

– Я вижу в ауре его чернеющую нить, она-то и заставит душу погибшего выбрать «низ», в качестве продолжения опасной задачи. Гнев, еще тлеющий в нем, подсунет вместо подвига вознесения подвиг схождения, к которому в истинном, Христовом смысле, душа не готова. Этот солдат не поднимет знамя в стане товарищей, но ринется на полчища врагов в одиночку.

Левый не понял:

– Душа его смела настолько?

Правый усмехнулся:

– Скорей, глупа, раз позволяет гневу собою управлять, все на руку Хозяину Ахерона.

Ангелы посмотрели вниз, на Перекресток. Хранитель деловито сгреб останки солдата, аккуратно уложил их на свои крылья и исчез в чернеющем проходе.

– Мда, – буркнул Правый, что, по всей видимости, означало «покойся с миром», а Левый, вытянувшись во фронт, констатировал:

– Тоска.

– Между прочим, – поправил его напарник, расправляя крылья по уставу, – тоска это грех.

– Это здесь, – парировал Левый, – в наших краях ее нет вовсе.

– Есть дополнительный шанс быть безгрешным, – съязвил Правый, изобразив на лице ангельскую улыбку.

Напарник хотел было ответить тем же, но на Перекрестке снова зашевелилась материя, Хранитель держал на руках младенца, новорожденное существо если и видело белый свет, то всего несколько мгновений. Еле светящаяся, но вполне осязаемая нить пуповины уходила вниз, к Земле, туда, где билась в истерике безутешная мать.

– Тяжелый момент, – вздохнул Правый.

– Как же так? – глаза стажера наполнились слезами (он успешно наработывал тонко-эмоциональное тело).

– Спешка, торопливость, пренебрежение днем сущим, наплевательское безразличие к энергии времени в прошлой жизни приводит душу в последующем воплощении к подобному результату, – медленно проговорил Правый, изучая ауру малыша.

Белоснежные щеки Левого покрыл румянец праведного возмущения:

– Но душа приняла на себя все тяготы и муки схождения в плотные слои, страх и боль тонких порядков, не сравнимые со своими физическими двойниками, стойко перенесла она. Этот маленький герой может войти в Рай и просить у Отца нового контракта из первых рук.

На эти слова напарника Правый согласно покивал голо-

вой:

– Да, мы пропустим его, но он отправится вниз, сомнений нет.

Ангел еще раз обследовал ауру младенца:

– Он не перестал торопиться, а для торопыжки легче (быстрее) спускаться, нежели подниматься. Антимир подсовывает таким душам на распутье «куклу», вроде мысли, что там, наверху, нужно встать в очередь на воплощение, а у нас, внизу, – за развлечением.

– Не могу поверить, – прошептал Левый, усиленно качая головой, словно боясь, что сама мысль о такой подмене может зацепиться за его сознание.

Правый покинул свое место (серьезное нарушение) и обнял Левого:

– Мертворожденное дитя чисто, Совет дарует ему выбор «первой записи», такая душа, как правило, молода сама по себе (количество воплощений невелико) и не привычна к преодолению, она выберет более доступный Ад.

Он дружески похлопал по плечу напарника и отлетел на место у правой створки. Окончательно расстроенный Левый, уже зная исход, дождался, когда слезы высохнут сами, и посмотрел вниз, на Перекрестке было пусто, малыш сделал свой выбор.

– Тоска, – вновь прозвучало у райских ворот.

– По-другому и быть не может, – устало произнес Правый.

– Загадки человеческой природы, – осклабился Левый, – в

Рай ни в какую, исключительно вниз, к мукам и страданиям.

– Тому имеется резон, – Правый задумчиво потрогал подбородок. – Человеческим существам свойственна раздвоенность сознания, это их природа. Не приди в голову Создателя взбалмошная идея вытащить из Адама ребро в качестве исходного материала для «рождения» его подруги, раздвоив тем самым сознание первочеловека изначально.

– Точно, – встрепенулся Левый, – наша Ева из той же глины, что и наш Адам, и все в порядке.

– Вот и я говорю, – продолжил Правый, – отсюда все беды на Земле. Помню, был у меня подопечный...

– Ты уже рассказывал, – поторопился напомнить компаньону Левый, слышанную не раз и порядком надоевшую историю.

Правый недовольно выдавил из глазниц свои ангельские очи:

– Ты о ком?

Левый развел руки и с ухмылкой произнес:

– О Тутанхамоне, чьи сны были полны Иерархами, толкующими египетскому царьку истины небесные, а дни проходили в забвении среди блеска золота, женских ласк и вполне человеческих слабостей.

– Нет, – улыбнулся Правый, – я о священнике, который взялся коллекционировать противоречия мира, и преуспел в этом настолько, что договорился до полностью захватившей его сознание гиперболы: если не желаешь нарушать заповеди

Господни, не читай их вовсе.

– Интересная концепция, – отметил Левый. – Что-то вроде, незнание закона не приведет к его нарушению.

– Ага, – кивнул Правый. – Не ведая, что убивать нехорошо, убивать не станешь.

– Да он оригинал, – захохотал вполне по человечески Левый, – твой священник.

– Псих, – коротко констатировал Правый, – на Перекрестке он сказал мне, что видит Рай, но желает проверить свою теорию отрицания очевидного и отправился в Ад.

– Действительно, псих, – согласился Левый, а напарник, вздрогнув от воспоминаний, добавил:

– Там, со своей теорией забрался так глубоко, что заморозил голову Самому Хозяину, а мне забрызгал крылья, пришлось отмывать в фонтане, адская боль.

– А где он сейчас? – любопытствовал привратник-стажер, на всякий случай инспектируя белизну перьев у себя на крылах.

– Под началом Гавриила, – спокойно ответил Правый, – по-моему, в должности капрала.

– Собачья служба, – хмыкнул Левый, но напарник промолчал, задумчиво вглядываясь в бесконечность.

Тишина вновь безраздельно завладела утраченными позициями возле райских ворот, пусть движение на Перекрестке не прекращалось, но у привратников пропало желание обсуждать прибывающих, которые с завидным упорством сту-

чались в одну и ту же дверь.

– Знаешь, – вдруг прервал молчание Правый, – Рай будет пустовать до тех пор, пока туда не вернется Адам, простив Отцу обиду в виде свободы выбора, к которому был не готов и который, по сути, оказался оружием в неумелых руках, разящим своего владельца.

– Неужели это заставляет душу отказаться от подъема в гору? – Левый внимательно посмотрел на вновь прибывшего к Перекрестку.

– Бесконечный поиск легких путей на земном плане, выбор выгоды и отказ от жертвы, что диктуется физическим телом, которое стало прежде всего храмом эго, а не души, – холодно произнес Правый и указал взглядом на слой Перекрестка. – Прибывший широким шагом направился к черной дыре.

– Иисус – путь жертвы, человек – путь жатвы.

Левый молчал, а его напарник, вздохнув, закончил мысль:

– Что делал человек, когда Христос поднимал крест на Голгофу? Бросал в него камни и насмеялся над истиной.

Левый, ангельская суть иного мира, всхлипнул, как это делает обычный земной ребенок.

– Что я должен вынести из этой командировки, Учитель? – обратился он к напарнику после паузы.

Правый, растянувшись в лучезарной улыбке, не назидательно, а с великой любовью, произнес:

– Брат, Иисус, Сын Божий, показал, чем отличается Бог

от Человека. Стать Сыном Бога – пройти дорогой Христа, если воплощения не хватило, чтобы преобразоваться Иисусом, с Перекрестка не будет виден Рай, только Ад, то есть следующая жизнь в плотном теле.

У райских врат два Ангела-привратника, грубо нарушив устав, обнялись в полной тишине.

Дай мне, где стать...

Сияние и чистота небес обеспечиваются грязью и зловонием на Земле.

Произнося свое знаменитое утверждение, Архимед вряд ли собирался всерьез покусаться на устойчивое с точки зрения взаимодействия космических тел положение Земли, но совершенно определенно, что поиск точки опоры великим посвященным не случаен.

Бог, человек и планета, как располагаются эти три фигуры на сакральной «шахматной доске» мироздания? Не этот ли вопрос мучил ученого сиракузца во дни его жизни и, возможно, в последние мгновения перед смертью?

– Бог на небе, человек на Земле, – усмехнется искушенный читатель. – Вот и вся схема.

Именно так видит себя совокупный человек, но Архимед...

Линейная схема взаимодействия или расположения, если угодно, обсуждаемых категорий диктуется многими факторами, один из которых, он же главенствующий, линейность времени, создающая линейность восприятия человеком его взаимосвязи со Вселенной, словно наблюдателя из лодки, несомой течением реки мимо бесконечных берегов бытия.

Архимед как посвященный знал, что можно махать рукой

самому себе, сидящему в лодке, если в этот момент находиться в точке опоры, привязанной к берегу. Поищем ее вместе с ним.

– Эй, Архимед, дружище (конечно не тот великий сиракузец, а поселившийся в сознании автора образ, хотя, надеюсь, что Дух того самого поможет отражению этого), что думаешь?

– Земля, – остров в космическом океане. Человек, как неразумный (или искренний) туземец (да не обидятся на меня за такое сравнение прекрасные аборигены, знающие о своем доме все и любящие его), швыряет с его берегов в прибрежные воды продукты жизнедеятельности (в метафизическом смысле – помыслы), но прибой возвращает грязь обратно, в прибрежную полосу. Космос не воспринимает низкие вибрации, своеобразным щитом здесь, на Земле, выступает озоновый слой, отражающий негативные (ниже определенного уровня вибрации) мыслеформы. Грозовые тучи, как губки, собирают эти флюиды, и дождевой водой напитывают ими поверхность планеты.

Остров, получающий с пеной прибоя мусор, через некоторое время, наевшись отравы досыта, сначала избавляется от флоры и фауны, затем от людей и в конечном итоге умирает сам.

– Постой, постой, рисуешь ты картину чрезмерно мрачную, даже жуткую.

– Словно инъекцию яда под кожный покров организма

Геи, вкалываешь ты, потомок Адама, сильнейший коктейль из пороков различной концентрации и количеств.

«Да, возможна ли столь чувствительная связь», – думаю я с сомнением, а собеседник Архимед уже основательно укутавшись одеждами обличителя продолжает:

– Не напоминаешь ли ты, селовек, сам себе паразита, переносящего на теле своем, читай, в собственном сознании, возбудителей болезней для той, что дает тебе жизнь?

Я вздыхаю, а мой выдуманый математик добивает с истинным наслаждением:

– Проклинающий все и вся, сквернословящий повсюду, не менее портит подземные гуморы, нежели оскверняющий водоемы и ручьи тем, чему там не место.

– Ну, хорошо, посыл твой ясен, есть Матушка Земля, с чувствительной кожей, есть я, во множественном виде, плюющийся под ноги не глядя, тем самым порчу наводя на Землю. Но где здесь Бог, где связь меж нами, та самая, о которой так волнуешься ты?

– Тогда начнем с истоков. Знай же, что яблоко познания, надкушенное Адамом, это образ Земли, дарованной человеку в качестве обители для самопознания. Изгнание из Рая, не что иное, как наделение души плотным телом. Людское выражение: «Спуститься с небес на Землю» – отголосок этого акта.

– Позволь мне возразить тебе, друг Архимед.

– Я слушаю.

– Но согласно библейскому тексту, яблоко Адаму подсу-
нул Змий, Господь же, напротив, всячески ограждал Сына
Своего от древа познания.

– Змий Искуситель – Аспект Бога (поелику все является
Богом), завлекший душу, не желающую покидать уютную,
тонкоматериальную юдоль, спуститься в плотные планы. Ты
же знаешь сам, редкое дитя желает учиться.

Грехопадение Адама – погружение духа в материю,
осквернение света (искры Божьей) грубыми тканями физи-
ческих слоев.

– Похоже на принуждение.

– Компенсировано неограниченными свободами.

Мой Архимед, наверное, прав, а ввязываться в спор с
изобретателем винта желания никакого, но показать види-
мость сопротивления можно попробовать.

– Допустим, Господь Бог, выделяет часть Себя...

– Ну, ну, ну, зачем так сложно, – перебивает меня Архи-
мед. – Лепит из глины.

А он не без юмора, даром что умный. Я продолжаю:

– Эту глиняную поделку Он наделяет душой и, допустим,
в самых благих целях самопознания, тем не менее обманом
отправляет на специально подготовленное место.

– Все так, – соглашается со мной собеседник, вода прути-
ком по песку в поисках решения очередной задачки.

– Не похоже на правду, – пытаюсь достучаться до него я. –
И на поведение Вселюбящего Бога тоже.

Архимед наконец отрывается от своего занятия:

– Материализуй (оскверни) Себя Бог целиком, все пространство станет заполнено Им, любое движение, абсолютно любое, будет парализовано, а отсутствие движения – смерть, ничто. Абсолют есть заполненная пустота, Его антипод – пустое заполнение.

– С ума можно сойти, – вскрикиваю я.

– Правда, здорово? – откликается мой надуманный сиракузец.

– Правда, – соглашаюсь я. – Только ничего непонятно. Давай вернемся к Земле и человеку.

– Земная оболочка пропитывается мыслеформами неравномерно, имеются более нагруженные, темные места, и наоборот, есть чистые и светлые пятна, как правило, это незаселенные территории. Тяжелый слой рвется в местах перехода к более легкому, придавленный негативом, происходит сдвиг и напользание.

– То есть землетрясение, – догадался я.

– Угу, – Архимед чертит и чертит на песке. – Составь человек карту мира по цвету слоев, получил бы удивительный глобус, аккурат для самопознания, и, кстати, именно такую картину наблюдает кармический Совет.

– А что это за Совет, слышу впервые?

– Ангелы, которые пишут заповеди, – Архимед глядит прямо в глаза, – для таких, как ты.

– Ага, – ловлю я собеседника на слове, – заповеди – это

ограничения, а как же свободы? Архимед не только математик и механик, он еще и архитектор, смутить такого полиглота крайне сложно:

– Ограничения – это стена, преодолеть которую невозможно, а заповеди – всего лишь черта, невидимая линия перед тобой. Человек имеет свободу перешагнуть ее, что он и делает методично и с завидным упорством.

– За всех не говори, – обиделся я, а мой друг Архимед рассмеялся, как ребенок:

– У меня есть прекрасный индикатор тайных мыслей всего человечества за многие века его пребывания здесь. Совокупная двуногая братия, перешагивающая через заповеди, становится слишком тяжелой ношей для планеты.

– А, ты про мировые катаклизмы, ну так это события редкие, – оппонирую ему я.

– Всемирные катаклизмы – забота Создателя, для полного очищения в Его распоряжении стихии, огонь и вода. Матушка Земля для начала уговоров, дабы человеки не довели до греха, использует свою кожу.

– Стало быть, коли затрясло... – попытался я подвести итог, на что Архимед, полагая, что ждать меня не стоит, закончил сам:

– Коль затрясло под ногами, обернись к сердцу, пока не загрохотало над головой. В этом и есть связь Земли, человека и Бога, снизу вверх. Что выстраивает эту структуру воедино, можешь ответить?

Я, не задумываясь, сказал:

– Помыслы.

– В точку, – восхитился, к моему великому сожалению, сам собой Архимед, ставя последнюю закорючку в своем «песчаном» коде и отбрасывая веточку в сторону, но, спохватившись, добавил, глядя на меня:

– Ты тоже молодец, именно помыслы. Любая мертвая планета – это окаменевшая кладовая негативных мыслей ее, увы, уже бывших, обитателей. Сфера, связанная невидимыми силами с другими космическими телами, висящая во всеобщем бульоне Вселенной, меняя свой вес, становясь тяжелее под грузом негативных помыслов ее пассажиров, надавливает на океан, искривляя пространство и время, меняя многие параметры своего существования, вплоть до смещения осей вращения, уменьшения скорости оборота, «прогиб» магнитного поля. Подобная возмутительница спокойствия способна притянуть малые небесные тела, астероиды, изменив их траектории. Человек – изготовитель собственных бед, наряду с тем, что он и творец своего счастья, дело в выборе. Земля позиционируется между Богом и человеком не как сфера, обернутая воздушной тканью и наполненная всем необходимым для существования поселенцев, но как сущность (живой организм) – оценщик, переводчик и проводник из одного мира (плотного) в другой (тонкий).

Мой Архимед, право слово, прекрасный оратор, хотя, не скрою, его нравоучительный тон может раздражать, особен-

но когда он, забываясь, углубляется в понятия и явления, истинность которых проверить невозможно.

– Земля – оценщик? – спрашиваю я немного обиженно, пытаюсь заглянуть Архимеду за плечо, чего такого выдающегося он накарябал прутиком.

– Оценщица, – язвительно отвечает мой воображаемый товарищ. – Она получает от искры Божьей (человека) некое количество негатива и, сравнивая потенциал и выхлоп, может преспокойно определить степень падения души. Скажи, что произойдет с великолепным молодым вином, если вылить его на песок, прямо вот сюда?

– Он смешается с пылью и грязью, – отвечаю я недоуменно.

– Именно так поступает Создатель, – Архимед улыбается. – Он изливает на Землю чистый свет, душу, частицу самое Себя для осквернения грубыми материями.

– Для чего? – еще более недоумеваю я.

– Кажется нелогичным, да? – Архимед громко хохотнул.

Я кивнул, понимая, что у него готово объяснение, но каково оно, как мой ученый насмешник будет выкручиваться.

– Ему, – Архимед указал пальцем в небо, – интересен процесс самосепарации.

– Что, собрать намоченный песок и выделить из него вино? – я с сомнением посмотрел на довольную физиономию моего гомункула.

– Ты мыслишь как человек, – Архимед затер готовое ре-

шение сандалией. – Вино, касаясь грязи, не должно смешиваться, соединяться с ней, но растворять ее в себе, осветлять и освещать. То есть вылитое на песок вино превращает песок в вино.

– Алхимия, – с усмешкой произношу я.

– Божественная, – совершенно серьезно отвечает Архимед.

Закрыв глаза, я представил, как на Свет Божий, из винного погреба достают бочонок и процеживая его содержимое через ткань, получают удивительной чистоты напиток, но вообразить себе обратный процесс не могу, тем более придумать ситуацию, когда некий эликсир, заполнивший собой сосуд, керамический или стеклянный, превращает свои «окоры» в самое себя. Архимед – великий математик, следует допустить, что подобная задача не представляет для него какого-либо затруднения, но не для меня.

– Пусть так, – соглашаюсь я с продвинутым собеседником. – Ну, оценила Матушка Земля мои успехи, полагаю даже, что на самый низкий балл, а дальше?

– А дальше, – начал свой ответ абсолютно не смущенный моим вопросом сиракузец, – она становится переводчиком.

– Переводчиком чего и куда?

Архимед – обладатель изумительной улыбки, ее то он и применил, обращаясь ко мне тоном родителя, объясняющего своему чаду простейшие истины:

– Языки человека многообразны после известных со-

бытий, перевод любого существующего наречия на язык Ангелов (Божественный язык) Земля осуществляет посредством своей атмосферы. Помимо прочих функций, воздушная оболочка планеты – это мембрана-транслятор из плотных планов в тонкие миры. Там, наверху, – Архимед снова устремил палец в высь, – колебаний воздуха не существует, ибо нет и самого воздуха.

– Ты хочешь сказать, что планета знает о каждом своем обитателе все, что нужно Богу, и передает эту информацию Ему? – у меня ладони вспотели от волнения.

– И не только, – подтвердил математик, – она помогает тебе связаться с Ним, во время обращений.

Ого, я и вправду не задумывался, как Богу удастся слушать нас, таких разных. Иного картавого или шепелявого соотечественника не разберешь, а тут столько языков.

– А зверей и птиц Земля может переводить? – задал я детский, но такой нужный сейчас мне вопрос.

– Даже рыб, – сказал Архимед и захохотал так, что мне почудилось, будто он и впрямь настоящий.

Я дал ему повеселиться до колик в его воображаемом животике и напомнил:

– Ты называл три функции Земли.

– Ах, да, – пробормотал немного успокоившийся гений, – проводник, или, если хочешь, проводница.

Тут его снова стало потряхивать, видимо, остаточные явления недавней бурной радости на предмет собственной

шутки.

– И чего же Матушка Земля проводит? – начал я раздраженно.

– Время, – бухнул Архимед, едва сдерживая смех, – со всеми вами.

– Хотелось бы посерьезней, – насупился я, не разделяя его возбужденного настроения.

– Мне тоже, – неожиданно согласился Архимед и, глубоко выдохнув, перешел на спокойный тон. – Из тонких планов спуститься в плотные, да еще в определенном физическом теле, куда захочешь невозможно. Душа в человеческой оболочке может воплотиться только и исключительно на Земле. Каждой сфере своя оболочка обитателя, ибо все сферы уникальны. В этом смысле Земля – проводник человека, из мира Ангелов к себе, в гости, и обратно.

– Мы что же, не способны пребывать на других планетах?

– Можете посещать, но не воплощаться, – Архимед усмехнулся. – Лучше это делать, конечно же, мысленно, в ментальном теле, но если занесет ступить на чужие камни обтянутым кожей, из мяса и костей, берегись каждого шага своего. Душа, выбравшая земной путь сама, не найдет свою планету, назначенная ей сфера притянет душу, сработает как проводник.

Я смотрю в глаза таящему в моем воображении Архимеду, стараясь удержать его образ, запомнить его движения, мимику, отпечатать в сознании слова его, но черты собесед-

ника неумолимо растворяются в серой пелене пробуждения, и я кричу:

– Постой, самый главный вопрос. О чем ты, Архимед, сказал тогда: «Дай мне, где стать, и я переверну Землю?»»

– Человек, наделенный светом Отца Небесного, собственным несовершенством и свободой Выбора повисает между небом и Землей, каждый в своей индивидуальной точке и за воплощение либо застывает в ней, либо возносится, либо падает.

Дай мне точку опоры, Господи, говорю я, полагая – определи место мое в жизни, и я переверну Землю, как сворачивает гору верующий, имея этой веры с ячменное зернышко. Это молитва, друг мой, о таком месте, где пребывает абсолютная любовь, и более ничего.

Встреча

*Испытуй мя огнем и железом.
Я прокажу приму как награду.
Мне стерпима любая аскеза,
Кроме жгущего истиной взгляда.*

Неслучайный, по причине закономерности всего происходящего в Божественной Вселенной, ожидаемый, ибо предположение существования общей потребности есть часть творчества, и дорогой, поелику в пустыне и капля воды – величайшая ценность, читатель, имею к тебе один вопрос: «Хотелось бы тебе, уже обласканному автором, встретиться с Богом?»

Нет, не в том обыденном, человеческом смысле этого выражения, о котором ты наверняка (судя по лукавой улыбке) сразу же подумал:

Сарказма полны наши паруса,
А в трюме нет спасенья от насмешек.

А о реальном, осязаемом свидании в текущей твоей жизни. Но, если вдруг ты уже готов согласно и активно закивать головой, не боясь повредить шейные позвонки, давай сначала попытаемся представить этот сакральный акт, призвав в помощники воображение и выбрав посредником между Богом и человеком Ангела Хранителя.

Слышишь хлопанье крыльев за спиной, это он, быстрый,

как стрела, пущенная сильной рукой валлийского лучника, и светлый, словно лик Господень на алтаре, озаренном солнечным лучом. Если есть под рукой швейная игла, достань ее и вытяни руку перед собой, нет лучшего места для наеста крылатому собеседнику, чем острое стальное жало. Итак, мизансцена готова – ты, он и свободное игольное ушко, сквозь которое придется протиснуться, чтобы встретиться с Богом.

Пожалуй, начнем:

Пусть под ногами пустота
И плети ветра за спиной,
Не остановят нас с тобой
Тьма и отсутствие моста.

Сразу оговорюсь, Ангелы довольно веселые существа, потому как мы, люди, даем им для этого предостаточно пищи. Чего стоит хотя бы наше извечное нытье о сложности бытия, когда в распоряжении воплощенного все сокровища Вселенной, а в придачу Божественный маяк – заповеди. Бери, что требуется, и иди, куда указуют, но нет, демонстрация всему миру вывернутых пустых карманов оправдывает банальную человеческую лень, а непрекращающиеся спотыкания о жизненные ситуации с неудовлетворяющим результатом призваны доказывать безжалостность и глухоту небес.

Сообщество Ангелов Хранителей напоминает уставшую к концу выступления талантливого клоуна, публику. Всеобщий хохот перешел в вой, животы болят от натуги, а губы не

в состоянии продолжать растягиваться в улыбках, при этом клоун решил выступать на бис, о котором никто уже не просит, и не покидает арены цирка, отчего смех причиняет настоящую боль.

Если у вас, достопочтенный, ведь автор и сам, желая слыть почитаемым, должен с превеликим уважением относиться к тем, кто решил обратиться к трудам его, читатель, защекотало в носу, значит, крылатый проказник засунул туда свое перышко, тем самым объявляя: «Я здесь, и готов к беседе».

Ваш выход.

– Что приуныл? – подал голос Ангел. – Смелы и бравурны речи твои, когда обращаешься сам к себе, отчего же скромничаешь перед вопросом к Богу?

Читатель:

– Ты не Бог.

– Нет, – Ангел выдержал паузу. – Но я миг вдохновения Его, впрочем, как и все вокруг, и я могу отвести тебя к Нему, ты же хотел этого?

– Я еще не решил.

– Встреча с Богом может состояться по твоей просьбе, но прежде подумай, что придется испытать, когда взглянешь в Очи Его.

– Откуда же мне знать?

– Эволюционный путь возвращения души в Божественное лоно долог, времени оказаться перед дверью в палаты света хватает, чтобы осмотреть себя и стряхнуть осевшую

«пыль» и налипшую «грязь». Другое дело, если я, подавившись на уговоры, прямо сейчас возьму тебя за руку и введу к трону Господнему в тех одеждах, что прикрывают душу, а они, поверь моему опытному глазу, знающему тебя как облупленного, не чисты.

– Я передумал.

– Не торопись, скорый ответ – всегда неправда. Желать встречи из любопытства не грех, но безрассудство, собственное отрочество, не ведающего страха из-за отсутствия опыта, но, быть может, настоятельная необходимость стать пред Очами Всевышнего связана не с усмирением какого-либо порока, а исключительно ради рождения совести.

– Я и впрямь не знаю, хочу я этого, или нет. Схожие сомнения мучат меня, когда вхожу в храм – наложить крест или, опустив взор, просто пройти внутрь, стать в уголке и послушать... Вот только несвязное бормотание служителя еле слышно, да и о чем оно, непонятно, и ухожу прочь, так и не выведав, для чего входил. Интересно, та неприметная, испуганного вида прихожанка, что трясущимися руками ставила свечу к распятию, отчего и без того хлипкое восковое тельце гнулось еще более, едва удерживая на себе трепещущий огненный султанчик, она получила от Сына Божьего, воплощавшегося для того, чтобы умереть на кресте мученической смертью, чего хотела?

В тот раз я дождался ее у входа и посмотрел прямо в глаза, когда женщина посеменила мимо меня, по всему было вид-

но, она получила желанное, а я нет.

Ангел, проявившийся на иголке в виде церковной свечи, издевательски согнулся, явно намекая на мои откровения:

– Во время первого пришествия одинок был Христос, во второе Его посещение одиноким будет каждый человек. Вдруг ты не захочешь дожидаться этого события, кстати, не так и далек этот день, а?

– Думаешь, стоит? А чем черт не шутит...

– Тише, тише... – замахал крыльями Ангел, срочно трансформировавшийся из оплавленной свечи в привычного вида существо. – Коли чувствуешь в себе бесстрашие перед встречей, не гордость ли это, потому как чем больше ее (гордыни) в сердце, тем яростнее свет случится от него к тебе несущийся (не со зла, Ему таковая энергия не доступна, но по причине разности вибраций) и опаляющий.

– Да, – Ангел сделал круглые глаза, – и как претендент на встречу, не поминай антими́р ни в каком виде, даже имена служителей понижают тонкость твоей сути.

– Извини, я все понял.

– Готов?

– Да.

– Тогда закрывай глаза. Что видишь?

– Темноту.

– Смотри сквозь нее, не спеши, не пытайся представить что-нибудь, просто смотри и жди.

Перед взором дверь, скорее, даже вход, потому как дверь

– это полотно какого-либо материала и отделки, петли, скрипящие до боли в ушах или бесшумные, да так, что отворив створку, только ветер и сообразит, что получил свободу, и запор, он же замок, щеколда, задвижка или еще сотни две хитроумных приспособлений, ограничивающих желание одних вторгнуться в пределы других. Я же вижу на темном фоне окружающего меня пространства пульсирующее пятно бледно-серого оттенка.

– Это то, что я думаю? – обращаюсь я то ли к темноте, то ли к пятну.

– Да, – отвечает мне голос Ангела. – Это и есть врата к Всевышнему.

– И я могу войти?

– Можешь, – Ангел за спиной, я чувствую его благоуханное дыхание. – Но нужно открыть замок.

– Как, у меня нет ключа.

– Тебе надо представить образ Бога, и врата откроются.

– Всего-навсего?

Ангел усмехнулся:

– Человек – торопливое существо, я уже говорил и в суждениях, и в деяниях. Природа подобного поведения определяется пониманием души краткосрочности пребывания в плотном теле, но, тем не менее, смотреть на это всегда смешно.

– А помимо безудержного веселья вы еще там, в облаках, чем-нибудь заняты? – обиделся я.

– Приглядываем за «клоунами», – отозвался из-за спины Ангел. – Не порвали бы рты от чрезмерного усердия, да не выскочили бы за арены, забывшись во флик-фляках.

Спорить с ним бесполезно, и я сосредоточился на ключе. Что таит за своим нервно-дышащим туманом пятно-проход, какой мир откроется мне, что за пространство примет мои испуганные, настороженные шаги, и в каком облачении Господь Бог пожелает явить Себя перед ничтожным рабом своим. Не ослепительным ли Светом, что заполнит собой все и не позволит раскрыть очи недостойного...

– Стоп, стоп, стоп, – прозвучал в голове глас моего проводника, – культ солнца, уже было, Ра, Тонатлиу, Ярило, я же просил тебя не спешить. Отдайся тишине, не выдумывай, образ придет сам собой.

Я зажмуриваю глаза сильнее, так, что начинает шуметь в ушах. Легкий смешок Ангела означает, очевидно, всю тщету подобным образом стимулировать воображение, и я расслабляюсь. Тут же, совершенно явственно пудингообразное пятно застыло и просветлело настолько, что, взглянув в него, словно в зеркало, я увидел себя. Ну конечно, там, за дверью, я сам, не ничтожный, но великий, не карлик, но титан, Бог за дверью – это я.

– От унижения до возвеличивания один шаг, так у вас говорят, – захохотал Ангел. – Ну ты даешь, впрочем, вас, челоуеков, всегда так несет.

– У нас говорят по-другому, – раздраженно парировал я. –

Значит, снова мимо?

– Песчинка равнозначна горе по сути, но горой при этом не является, – уже серьезно отозвался Ангел. – Твое равенство Богу благодаря Богу, поэтому ты человек, а не... – тут Ангел приумолк, подыскивая видимо нужное сравнение, и я помог ему.

– Не слизняк.

– Вот-вот, – подхватил он. – Но твое равенство Богу благодаря самому тебе сделает тебя Богом.

Я вздрогнул:

– Мне никогда не войти к Нему.

Ангел погладил мягким крылом меня по голове:

– Дверь к Богу всегда открыта, я пошутил про ключ.

Все, что мне захотелось сделать прямо сейчас, так это поковырять перья у возомнившей себя Учителем «птицы», но вместо этого благородного поступка я шагнул в пятно.

Ни сияющего солнца, ни зеркала, ни золотого трона, ни деревянного истукана, ничего, только пустота, мир, содержащий в себе единственный предмет, – меня.

Из-за двери-пятна донесся знакомый голос:

– Удивлен?

– Еще бы, а где Бог, или правы атеисты, вопящие на всех углах, что Его нет?

– Для слепого от рождения не существует Света, – загадочкой отвечивал Ангел, вплывающий сквозь проход в мою пустоту. – Сколько дней ты провел на земном плане?

Я задумался:

– Можно посчитать, при желании.

Ангел подлетел поближе:

– Вот ровно столько встреч могло состояться у тебя с Богом, но ты не видел Его, как и сейчас, и проходил мимо.

– А вдруг ты ошибаешься, – возмутился я, – откуда тебе ведать?

– Я твой Хранитель, – спокойно и с достоинством ответил Ангел, – мне есть дело до любого твоего шага, ибо это моя работа. Делай я ее плохо, отлучайся хоть на миг от тебя, дни твои земные были бы значительно короче. Трехлетний ты упал в ледяную воду и одеждami зацепился (случайно!!!) за корни ивы, иначе поток унес бы тебя от берега. Пяти лет от роду, убегая от разъяренного быка, свернул с дороги и упал в яму (снова случайно!!!), не то быть тебе растоптанным обезумевшим животным...

– Достаточно, – огрызнулся я, понимая, к чему клонит пернатый.

– Не сердчай, – миролюбиво продолжил Ангел. – Истинная встреча с Богом именуется откровением и меняет жизнь человека, а точнее, его самого кардинально. Ее не спутать ни с чем, ежели такого не случилось, то, возможно, встреча и была, но результат у нее нулевой.

Вот теперь стало по-настоящему обидно, я мысленно произвел вычисления, и получилась весьма внушительная цифра. Оказывается, попыток встретиться с Богом имел я предо-

статочно, но отчего-то...

– Кстати, а почему так происходит? – тишина наполнилась моим дрожащим голосом, словно бы не пустота окружала меня, а каменный мешок.

Едва эхо успокоилось, как мой Хранитель произнес:

– Все зависит от способности видеть Бога, способность же, в свою очередь, зависит от желания видеть Его...

– А желание? – заторопился я как типичный представитель человеческой расы.

Ангел с улыбкой покачал головой:

– Это главный вопрос, на который должен ответить человек, приходя в этот мир, если коротко, смысл жизни кроется в ответе на него.

Я почесал затылок, неужели мы сами не хотим встречи?

Ангел не пропустил этой мысли мимо:

– Человеку кажется, что Господь прячется от него на небесах, на самом же деле, это человек скрывается от Бога, идущего навстречу с распростертыми объятиями каждый день, а дети Адама, словно зайцы, прыгают врассыпную или опускают глаза, разглядывая собственные ноги. Так человек отвернулся и отошел в сторону от Христа, и так продолжает вести себя и по сей день.

Открывай глаза, благословенный читатель: ты снова в своем привычном мире, наполненном звуками и красками, людьми и Ангелами (одних ты ясно зришь, другие же невидимы тебе), всем, к чему ты привык, среди чего чувствуешь

себя спокойно и уверенно, а стало быть, не сочтешь за нахальство и позволишь автору задать тебе еще один вопрос: «Встретив Бога, не пройдешь ли сквозь Него, как проходят сквозь нас призраки, для коих мы, наделенные плотию и способностью творить здесь, настоящие Божества? Не проходишь ли ты в жизни своей сквозь божественное сейчас, не касаясь, не ощущая, не чувствуя, а ведь окружающее тебя все и есть Бог?»»

Имеющий уши...

Не из тех пределов Вселенной, куда заглянуть человеку не позволяет слабая, парализующая фантазии и сковывающая воображение, излишне тактичная мысль, обращаюсь я сейчас, памятуя о том, что время подоспело, но от ближайшей стены, за которой еще могу стоять незримым и быть услышанным, имеющий уши да услышит.

Сколькими зорями обласкан век твой, ибо всякий раз распахивая очи, даруется тебе свет и надежда, принадлежащие с этого момента двоим, человеку, в твоём теле, и Богу, в сиянии Имени Его, а стало быть, еще живо в тебе, что должно быть живым. И отталкиваясь от этого предположения, в коем я уверен непреклонно, глядя на ауры двуногих, порченые еще не окончательно, подаю голос из-за укрытия своего вынужденного, поелику вразумить человека словом, как делал Иисус, будучи живым среди вас, словно мертвых, иной раз сложнее, нежели устыдить и тем самым оживить действием, будучи мертвым, но вознесенным.

Задумайся же, бредущий по колено в вязком болоте пороков и отгоняющий застывших взор мириады москитов-страхов, над таким посылом из-за стены, – Имя свое Господь слышит от сынов чаще, когда те пребывают во страхе либо недуге, и познает Себя (в сотворчестве с человеком) больше через боль и испуг.

А вот в событиях , удачных со своей точки зрения, человек предпочитает поминать собственные заслуги, не давая Творцу познать Себя через радость.

Протяни нить мысли своей за горизонт физиологических потребностей, растяни сознание не от восхода к закату, а между изгнанием из Рая и возвращением блудного сына, узри, что человек, обращающийся через свою потребность во Всевышнем к Богу, и при этом находясь в определенном эмоциональном состоянии, формирует мир вокруг себя, соответствующей этому фону энергией, и Творец, познающий себя же в тандеме с человеком, видит, а значит, и пересоздает Вселенную именно такой.

Он (Всевышний) не ждет от Сына своего ничего, кроме возможности взглянуть на Себя так, как этого хочет человек, но Сын Его, вечно ожидающий от Бога справедливости, предлагает Отцу противоположные аспекты бытия, взывая к небесам исключительно с позиции собственного несовершенства. Не так ли ведет себя капризное дитя, клянчащее беспрестанно у матери лекарство в минуты недуга, но выздоровев, напроочь забывающее о родительнице, предаваясь играм и безудержному веселью, отчего у матери возникает в сознании стойкая картина мира, в котором существует ее болезненный ребенок и она сама, в роли фельдшера, без малейшей возможности примерить на себя иную маску?

Кто, как не бухающийся на колени с истошным воплем «Господи, спаси» делает из Творца спасателя, кто, как не за-

ламывающий руки и взывающий к небесам «Дай мне, Боже» воспитывает в Создателе синдром подающего вместо равенства Отца и Сына, кто, как не крушащий во гневе образа и святые книги со словами «За что, Господи» предлагает Все-вышнему оправдываться там, где место сотворчеству?

Вспомни, как часто ты, человек, произносил Имя Творца, имея в сердце претензию, а не любовь, а ведь именно претензия, как намокшая в воде одежда, тянет на дно, сковывая движения и утяжеляя тело.

Заповедь, знакомая каждому «Не поминай Имя Господа твоего всуе», – не о редком обращении к Создателю, пребывая в благостном и благодарном состоянии, делай это хоть каждый миг, но коли «повис на низких струнах», в страхе ли, в обиде или во гневе, то и есть всуе, в иллюзиях, не открывай уста, подобно ящику Пандоры, усиливая свой эмоциональный фон энергиями Бога, идущими в ответ на запрос.

Знаешь ли, о чем взывал к Отцу в Гефсиманском саду Иисус в великой скорби? Я был там и прекрасно помню слова, но не молитвы, а обращения Сына к мудрости (энергии) Отца. Под неторопливый шелест олив был совершен акт, предшествующий Вознесению, соборное испытание чаши, уготованной Христу его контрактом, освобождающее человек от подобного поведения (произнесение молитвы от страха или отчаяния) в дальнейшем эволюционном пути, принятие Иисусом на себя кармы расы, то, что определялось как людские грехи, за что и «получил в награду» Спаситель страда-

ния и муки распятия.

И первым, кто коснулся тогда устами ланит Христовых, был Иуда, подставивший грудь «мечу предательства», нато-ченному человеками.

Подумай, прежде, чем осудить его со всем миром, сколь велико число Иудиных последователей, а приглядевшись, найдешь и себя в тех рядах. Отсюда еще постулат: «Один вознесся, другой рухнул».

Христос воспарил, оттолкнувшись от Иуды в невесо-мости мира людей, подобное заявление есть хорошая пища для размышлений, всеосуждающий человек.

Я помогу тебе. Иисус (конечно же, речь не о телесном су-ществе, но о духе), словно губка, впитывающая воду, нагру-зил себя человеческими грехами безмерно, выведя мир, в том сейчас, в состоянии абсолютной нейтральности (невесо-мости) сознания. Для возвращения (вознесения) домой, Ему было необходимо освободиться от «воды», «осушить губку», перевести и себя в нейтральность (сухое состояние), то есть куда-то «смыть грязь».

Такой «сточный» канал и предоставил своим поступком Иуда, пробив врата Антимира, через которые и произвел сброс негатива Христос. Не будь такой возможности, сово-купный грех разлился бы по поверхности планеты, приводя к ее рожи и многочисленным жертвам среди невинных лю-дей, или Иисус не смог бы подняться, прикованный «обре-тенным богатством» к хладным камням усыпальницы. Иисус

– жертва Бога, Иуда – жертва человека, Всеобщее равновесие, первый есть Титан, сдвинувший глыбу сознания, второй – его точка опоры.

Главным итогом (замыслом) обращения к Богу Сыном Его, Иисусом, стало сотворение мира Христа на Земле, основой которого является жертвенность, и помог в этом Иуда. Забери у человека понятие жертвы, и он превратится в сухой лист, вмерзший, неподвижный, бездушный, бесцветный слепок наполненной когда то жизненным соком и яркими красками трепещущей ткани. Лиши Иисуса его Иуды – чудо воскрешения замуруется тяжелым надгробным камнем. Всевышний познает Себя разными путями и способами, один из них – человек, имеющий уши.

И зная тебя, не нуждающегося в подсказке при согрешении, но слезно молящего отвезти к Богу, взяв за руку и убрав камни с дороги, с целью искупления содеянного, предлагаю три луча просветления.

Первый луч – благодарность, возданная Господу, есть подтверждение истинности Его первоначального замысла.

Луч второй – благодарение искреннее – это процесс творческого осознания истинности замысла.

Третий луч – воздать благодарность Создателю осознанно – стать подле Него и вложить свою руку в протянутую Им длань.

А дабы переваривалось изложенное легче, позволю себе, склонившись почтенно, в качестве заслуженной тобой, чело-

век, шпаргалки, поведать притчу-загадку.

Стоя на юте, источавшем резкие запахи смолы и свежей краски, моряк вглядывался в тающий берег, где на самом краешке выступающей, словно бушприт флагманского корабля, скалы отчаянно махала рукой одинокая женская фигура. Мужчина судорожно обнимал кормовой фонарь, как совсем недавно, всего несколько часов назад, стан молодой жены и предательские слезы, вовсе не свойственные его подчас весьма грубому характеру соединяли свои соленые ядра с кипящей внизу кильватерной волной. Только когда склянки пробили двенадцать, он оторвался от образа оставленной на берегу и, спустившись на квартердек, забылся беспокойным, удушливым сном среди храпа таких же бедолаг в полном одиночестве.

Ровно девять месяцев спустя, день в день, наш герой, не дожидаясь швартовки фрегата, прыгнул на пирс и, раскачиваясь из стороны в сторону, неуклюжей рысцой бросился в сторону дома. Любимая встретила его не одна, в углу, между кроватью и сундуком, заменявшим обитателям скромного жилища обеденный стол, а если придется, и гостевой лежак, болталась самодельная (на что сподобилась супруга) люлька, внутри которой недовольно похныкивал крохотный комочек, сморщенная, бурая помидорка с огромными черными глазами.

– Твоя дочь, – не без гордости произнесла жена моряка, с нескрываемой нежностью рассматривая свое дитя. – Тре-

тього дня.

Морская душа просолена тяжким трудом, закалена опасностями, но переменчива, как ветры над океанскими просторами, и ранима, подобно волнам, оставляющим часть себя пенным саваном на прибрежной гальке. Эту долгожданную ночь встречи моряк не спал, как и ты, далекую уже ночь разлуки. Радость нежданного отцовства, наполненная силой и надеждой, налетела на риф сомнения, растеряв напор, энергию и целостность. Новорожденная была смугла и черноока, а он, потомок людей с севера, как и его любимая, носил светлые волосы и смотрел на мир голубыми глазами. Женщина, выбившись из сил после кормления, беззвучно лежавшая рядом, слыла первой красавицей в округе, частенько моряк перехватывал восхищенные, а то и вожделенные, взгляды мужчин, идя рука об руку с возлюбленной.

Ревность, гнев, подозрение, отчаяние, чего только не нахлебался молодой отец, ворочаясь на узкой кровати под тихое посапывание маленького существа, вдруг выросшего в его сознании до размеров гигантского яблока раздора.

Едва дождавшись утра, он под придуманным предлогом отправился в порт, где среди бочек, навечно провонявших рыбой, и мотков пеньки, просоленных до состояния окаменелости и усеянных панцирями моллюсков, обитало странное существо, женщина, возраста которой не знал никто и, возможно, даже она сама. Род занятий старухи, слегка напоминавшей краба, который решил укутаться в тряпье и напя-

лить поверх панциря копну водорослей, был не определен. Кто называл ее колдуньей, кто – повитухой, находились и такие, что на полном серьезе считали бабку морской ведьмой, но все сходились во мнении, что обитательница портовых трущоб обладала невероятной силой исцелять тело и прочищать сознание.

Застав ее за громким облизыванием рыбьего хвоста, моряк как на духу поведал ей свои сомнения, на что женоподобный краб, выплевывая изо рта застрявшие косточки, выдал наимудрейший совет:

– Подожди год-два и убедишься, есть ли что-то от тебя, красавчик, – тут она ослабилась беззубой, отвратительной пастью, – в «твоем» ребенке.

Уже через месяц моряк снова обнимал знакомый кормовой фонарь, но теперь пальцы его белели не от горя, а от ревности и негодования. Та, что одной рукой отчаянно махала ему на прощание, другой крепко удерживала кулек его «позора», по крайней мере в тот момент он был в этом уверен.

Судьбы ищущих удачи не на тверди, дающей уверенность ногам днем и отдых спине ночью, легкая добыча когтистых лап фортуны. Шторм, случившийся неделей спустя, для начала разметал снасти, затем небрежно свернул фок-мачту и, не останавливаясь на достигнутом, словно спичку, уложил в бушующие воды грот-мачту, да так приправил это действие воем налетевшего шквала, что для стороннего наблюдателя падение произошло в полной «тишине».

Все, что могла сделать команда, это привязать себя к крюкам фальшборта и смиренно ждать, пока обреченное судно правой скулой не налетело на риф, да так удачно, что настезь распахнулось небесным хлябям нутро корабля и деревянное творение рук человеческих развалилось надвое.

Наш герой, единственный из всех в этот трагический момент поминавший Бога, а не морского черта, в заслугу был выброшен на песчаный берег ближайшего острова, где и очнулся следующим утром в полном одиночестве. Человек – существо, приспособляющееся к любым условиям, особенно если в его душевной топке поддерживать огонь какой-нибудь сильной идеей или чувством, например, как в нашем случае, ревностью и страстным желанием узнать истину.

Остров дал приют моряку на томительные пятнадцать лет, по истечении которых фортуна решила ослабить хватку, и проходящее мимо торговое судно, став на рейде для пополнения запасов пресной воды, подобрало бедолагу.

Вернувшись в родной дом, моряк застал там прекрасную юную девушку, от которой узнал о смерти жены год назад, в период бушевавшей в этих местах чумы, и, выслушав до конца сбивчивый рассказ, он, огрубевший на острове душой окончательно, глядя на смуглые, почти коричневого оттенка скулы и черные, бездонные глаза, буднично заметил:

– Я твой отец.

После этих слов девушка без чувств рухнула на пол.

Очнувшись в своей постели, нежное создание (слава Богу, ужасного человека, назвавшегося родителем, рядом не было) не мешкая припустилось в порт, к страшной тетке, обитающей в заброшенном пакгаузе, о которой ходили разные слухи, но которую, хоть раз в жизни, посещал каждый местный житель. Дрожа от страха и отвращения, девушка положила перед «колдуньей» свое единственное богатство, кольцо матери, и рассказала о незнакомце.

Старуха схватила кольцо, и оно навечно исчезло в складах зловонного тряпья:

– Сомневаешься, что обладатель голубых очей и светлых кудрей, судя по всему, красавчик, твой отец?

– Да, сомневаюсь, – кивнула напуганная посетительница.

– Много лет назад мне задавали такой же вопрос, – задумчиво произнесла старуха, а затем, прищурившись, внимательно поглядела на девушку и неожиданно захохотала, как безумная. – Вот и узнал красавчик свою породу.

Ничего не понимающая посетительница бросилась прочь от дикой всклокоченной бабки, от ее каркающего хохота, от шумного порта, от дома, в одно мгновение ставшего с поселившимся незнакомцем чужим, подальше от этих изменившихся в ее сознании мест.

Моряк ждал дочь целый день, потом еще и еще, когда прошла неделя, а девушка не вернулась, он понял, что снова остался один, ибо однажды поселил в своем сердце недоверие, сотворив собственный мир, в котором всяк не доверял

другому, мир абсолютного одиночества.

Это сама притча, а вот и обещанная загадка:

– Не усомнись моряк в своем отцовстве, посетила бы чума дом его, потемнела бы кожа и волос дитя и кто здесь Иисус, а кто – Иуда?

Старый долг

Исполин, чья голова пряталась выше облаков, а широко расставленные ноги попирали соседние материки, удрученно смотрел вниз, на землю, глазами, полными слез. Вознамерься он сейчас разрыдаться, а причин на то у титана хватало, случился бы новый всемирный потоп, и именно это трагическое обстоятельство сдерживало великана от проявления столь неподобающей его размерам слабости. Огромные покатые плечи без труда удерживали небосклон, вздымающаяся ровным, глубоким дыханием грудь возбуждала смену приливов и отливов, а руки, неспящая сила коих беспрестанно возводила разрушенное и разрушала возведенное, всего на миг покорно сложенные на груди, одним локтем упирались в запад, пытаясь другим оттолкнуть восток, и только сердце, по мере взросления великана, удивительным образом уменьшалось в объеме, удар за ударом сжимаясь от страхов, ран и зримого содеянного.

Гигант печалился и морщил бесконечный лоб, отчего насыщенные влагой тучи, схлопывались в складках кожи, извергая молнии и громы, а детский, да-да, детский нрав и воистину младенческое сознание великана не останавливали его от возмущенного притоптывания, немедленно вызывавшего перемещение земной коры и выдавливание раскаленной лавы в самых неожиданных местах.

За сим, весьма неосторожным занятием и застала его Синяя Птица, не убоявшаяся долгого подъема с целью выяснения того обстоятельства, с чего это вдруг так раскряхтелся полупрозрачный «ребенок-переросток», габаритами с небольшую планету.

– Эй, как тебя там, – завопила она, выписывая восьмерки прямо перед левым зрачком титана, – чего разбушевался?

– Адам, – промычало «дитятя».

– Тот самый, первый, – весело присвистнула птица.

– Совокупный, – поправил ее недовольно великан. –

Вклад всех человеческих душ.

Пернатый собеседник неподвижно завис на месте, отчаянно молотя воздух крыльями:

– Так ты всечеловеческая душа?

Великан тяжело вздохнул:

– Не столько собрание душ, сколько плоть от ими сотворенного, созданного в искусстве, быту, войнах.

При этом громадина поморщился, будто втянул в безразмерные ноздри-тоннели запах совокупного пороха, сожженного на неисчислимых ристалищах, и чихнул, да так, что его неожиданный гость отлетел на несколько километров. Пока синяя точка, постепенно увеличиваясь, обретала привычную глазу форму крылатого существа, Адам пытался осознать причину собственной печали. Покидая Рай, первочеловек получил свободу невиданных в остальных частях Вселенной масштабов, близкую к абсолютной. В энергетическом смыс-

ле Адам взял в долг, а, как известно, долги желательно возвращать, но что он обещал взамен Отцу, Адам не помнил и хуже того, не понимал. Старый долг угнетал его, как маленький камушек внутри ботинка, что пытаешься вытряхнуть, а он совершенно не желает покидать уютного кожаного жилища и цепляется за складки и трещинки на стельке. Такова была истинная причина безрадостного настроения, целиком сковывавшего разум великана.

– Адам, – возмущенно засвиристела подлетевшая Синяя Птица, – надо закрываться, когда чихаешь.

Титан удивленно посмотрел (для этого пришлось прищуриться) на пигалицу, болтающуюся перед носом и мешающую сосредоточиться:

– Представься, говорящая мошка.

– Синяя Птица, – пропищало с гордостью под носом великана. – Люди, прячущиеся в тени деревьев вдоль дорог по ночам, при оружии и скверных мыслях, величают меня Птицей Удачи, гнущие спины под палящим солнцем в полях до хруста позвонков – Птицей Счастья, а посетители церковей различного толка по воскресным дням зовут Духом Святым, изображая в белом оперении.

– Все это я знаю, – пробурчал Адам, – забыла, я же совокупная душа.

– И что? – Синяя Птица, взъерошив перья, видимо, чтобы казаться больше, снова начала крутить восьмерки.

– Во-первых, ради Бога, остановись, – взмолился вели-

кан. – Голова и так кругом идет, а во-вторых, неразумное дитя человеческого желания и воображения, каждая душа, получившая тело, не просто потомок Адама из Рая, каждый и есть Адам, поелику от него произошел род людской. Каждый человек был Адамом, ибо каждая душа, начиная первое воплощение, совершала грехопадение Адама, в этом смысле все являются потомками первочеловека, по сути своей, это действие (изгнание из Рая) есть ключ ко входу в проявленную жизнь, своеобразная плата за посещение расы.

– Тогда чего же ты хочешь услышать от меня, спрашивая, кто я? – Синяя Птица, сделав мертвую петлю, на полном ходу остановилась перед самым зрачком Адама, едва не проткнув его.

– Как ты сама называешь, а значит, и осознаешь себя, – испуганно заморгал великан, подняв там, внизу, в океане, шестибалльную волну...

Старый моряк, приложившись макушкой о дубовый дверной косяк, с удивлением высунулся из люка – на небе ни облачка.

– Откуда она, сэр, – полушепотом пролепетал юнга, обеими руками вцепившись в вертлюг.

– Морской дьявол балуется, не иначе, – выругался моряк, потирая ушибленное место. – Вставай к штурвалу...

– Я побуждение к выбору, – засвистела Птица, отлетев на удобное для беседы расстояние. – Ведь Бог – сама Свобода, а человек, в качестве Сына, инструмент трансформации. Я,

если тебе, Громила, будет угодно, маяк, поэтому все видят меня по-разному. Я свет в конце тоннеля, я дверь, ожидающая своего открытия, я сила, поднимающая с ложа и манящая блеском далеких сокровищ, цена которых подчас не дотягивает до стоимости пустой миски на столе перед носом страждущего, я код, сокрытый в яблоке познания, я сок на губах надкусившего его, я Ева, указующая выход из Рая.

– Стоп, стоп, стоп, – заволновался Адам. – Там точно был Змий.

– Искуситель – мой антипод, – закивала лиловым хохолком Птица. – Я побуждаю, он принуждает.

– А есть разница? – Адам громадной ладонью почесал затылок и перхоть неожиданным снегопадом удивила жителей жаркой страны, насадив на вечнозеленые лапы пальм белые пушистые шапки.

– Я не вторгаюсь в поле свободы, не спорю с Богом, – Синяя Птица сделала большой круг перед Адамом. – Змий же подсовывает свой код, вибрируя в самом низу. Плотские желания и потребности, таков диапазон «света» его маяка, он, не стесняясь, накладывает на истинную свободу свою кальку, невидимые изменения, редкие, крохотные мазки, вкрапления, меняющее суть еле слышное шипение...

– Как в ухо Еве? – Адам снова возмущенно топнул ногой и наблюдатели на далеком материке зафиксировали повторные толчки.

Синяя Птица быстро закивала хохолком:

– Именно.

– Женская половина меня может обидеться, – проворчал великан.

– То, что в тебе называется Евой, кодировал Змий, вторую часть – я, – пернатый собеседник ласково взглянул на подопечного.

– Для чего Отец так поступил со мной? – вдруг выпалил готовый разрыдаться большой ребенок.

Птица Счастья, она же Удачи, она же Синяя, а так же Дух Святой терпеливо щебеча начала объяснять:

– Ты не покинул бы Рай сам, Ева вытащила тебя, она сделала свою работу, выполнила предназначенное, вывела из лона на низких частотах. Твоя задача – вернуться обратно в сад на высоких.

– Может быть, в этом и состоит мой долг Отцу? – восторженно воскликнул Адам, так, что небольшая деревушка на побережье тут же была сметена лавой, изрыгнутой ближайшим вулканом.

Синяя Птица нырнула в облака и через мгновение появилась перед великаном:

– Ты бы не дергался: сознание человечества таково, что любой его всплеск – трагедия для воплощенных. А насчет долга Всевышнему, твое возвращение, скорее, промежуточная цель, некий подытог замысла, а уговор (и оплата) на свободу выбора – о другом.

Великан совсем по-детски утер нос огромной ладонью:

– О чем о другом? Я не помню, помоги мне. Можешь?

– Могу, – пернатый гость, сильно смахивающий на горлицу, зачем-то искупавшуюся в синих чернилах, запрыгал в воздухе от необъяснимой радости:

– Как ты видишь меня?

– Как назойливую муху, от которой сложно отмахнуться, – без раздумий ответил Адам, но, спохватившись, поправился. – Как обычную птицу.

– Ты видишь меня, как человек, – Синяя Птица остановила свой причудливый танец. – Но получая кредит у Бога, ты еще не был человеком. Попробуй взглянуть на меня сознанием Адама Чистого, а не Адама Совокупного и я, Побуждающая, приму вид твоего долга.

– Но как я ни напрягаюсь, – Адам вытаращил на собеседницу гигантские блюдца глазищ, в которых тут же отразилась половина Вселенной, – вижу только птицу, крылатое существо.

Голубица, недаром Дух Святой, обладала поистине ангельским терпением:

– Накопленные веками слезы не дают тебе, Адам, ясного взора разглядеть истинный лик мой. Человек изрядно постарался, убивая, унижая, насилуя и лишая никогда не держать сухими собственные очи. К чему спокойное существование в радости и благоденствии, когда в арсенале имеется боль и страх, и все из-за такой мелочи, как забывчивость к возврату долга Всевышнему.

Адам помрачнел:

– Ты подсказешь или будешь издеваться, бессердечный мешок с костями, облепленный перьями?

– Как только избавишься от соленых морей в собственных глазницах, – ничуть не смутившись, просвистела птица, – так сразу все и вспомнишь. Людские слезы не просто жидкость.

– Я и не думал об этом, – неожиданно всхлипнул Адам.

– Как и все человечество, – усмехнулась Синяя Птица...

... Стоя у штурвала юнга упивался свободой, в ней было все: и ветер, наполнявший легкие ароматами плодов с далеких островов, и соленые капли, что еще секунду назад скользили вдоль китовых спин, скатывающиеся теперь по его щекам, и фрегат, послушный, как трехмесячный щенок, его рукам – легкое движение плечом и строгий бушприт, под которым спряталась палисандровая Аврора, меняет правый галс на левый.

– Развлекаетесь, юнга? – за спиной возник капитан, настоящий морской волк, обладающий невероятной способностью вырастать из-под земли при закрытых дверях его каюты в самый неудобный момент, что было неоднократно проверено на собственных шкурах всеми членами команды.

– Простите, сэр, не удержался, – юнга выравнил курс и устоялся на горизонт, боясь взглянуть на капитана.

Старый моряк прекрасно понимал мальчика, сам, будучи таким же юнцом, впервые попав на боевой шлюп, трехмачтовый красавец, впитывая премудрости морского ремесла с потом и кровью, не отказывал себе в удовольствии поглазеть

на южный закат или помечтать под звездной россыпью, при-
мостившись на клотике (знал бы боцман, что юнга грешил
этим во время вахты).

– Спрашивал ли ты сам себя, юнга, когда-нибудь, – капи-
тан положил тяжелую руку на плечо юному матросу, – зачем
люди выходят в море, что за голоса манят их подальше от
родных берегов, где свежий хлеб, доброе вино и теплая по-
стель, чье нежное объятие меняется на просоленные волок-
на пеньковых канатов и раскаленные бока корабельных пу-
шек? В поисках чего ты, молодой человек, решил ступить на
шаткие доски палубы, вверив судьбу свою ветреной, во всех
отношениях, фортуне?

– Я отправился за удачей, – юнга обернулся, – как и все
мы.

– Решил поймать эту птичку за хвост?– капитал ухмыль-
нулся. – А знаете ли, господин охотник, почему удачу пред-
ставляют в виде птицы?

Юнга улыбнулся, представив себя настоящим охотником
за удачей:

– Потому, что она неуловима, сэр.

– Нет, – капитан ткнул пальцем на яркую голубую точку
в созвездии, напоминающем огромного парящего лебедя, –
держи курс на Денеб.

Он развернулся в сторону каюты.

– Почему нет, сэр? – юнга развернул фрегат на новый
курс.

– Потому что птица парит в небесах, ближе к Богу, именно там, подле трона Его и нужно искать истинную удачу.

После этих слов дверь в капитанскую каюту с грохотом захлопнулась...

Мне тут подсказали, – Адам возбужденно поводил плечами, – тебя представляют в виде птицы из-за близости к Всевышнему.

– Я к Нему не ближе земляного червя, копошащегося в навозной лепешке, – не согласилась Синяя Птица.

Великан смутился:

– Но как же мне мыслить не по-человечески, если я напичкан их помыслами и идеями, как...

Синяя Птица хохотнула:

– Как куропатка дробью.

– Вроде того, – кивнул великан и бесшумно затрясся, еле сдерживая смех, вызывающий в подлунном мире трясение земли и выдавливание лавы...

Женщина лежала с открытыми глазами. Несколько лет после смерти мужа она училась спать по ночам без видений, слез и частых вставаний к окну, будто там, за полупрозрачным стеклом, среди мерцающих звезд можно было хоть на миг разглядеть знакомые черты. И вот, когда, казалось бы, пришло успокоение и сердцу, и уму, возникла новая напасть – единственное ее дитя, ее мальчик, такой нежный, тонкий, слабый, вдруг нанялся юнгой и не на рыбака или, Бог с ним, торговца, а на военный корабль с тремя палубами пушек, по-

роховым погребом размером с королевский замок и командой головорезов, от которых дрожали портовые кабаки и выдававшие виды притоны.

Бедная страдальца живо представляла себе, как встречает из похода сына, совсем не похожего на того юношу, что захлопнул за собой дверь неделю назад, даже не обернувшись на убитую горем мать. И вот он, уже не ее прежнее дитя, а детище обстоятельств и окружения, входит в питейное заведение, и все вокруг начинает... Заходивший ходуном дом прервал ее тяжелые мысли. Женщина поднялась с постели и шатаясь подошла к окну, нависающая над деревней гора обзавелась ярко-красной кардинальской шапочкой и, «моргнув» пару раз, вдруг вспыхнула и расцвела фейерверком искр, мгновение спустя стекло в раме дрогнуло и ушей женщины достигли раскаты грома, перемежающиеся воем преисподней, что решила исторгнуть из себя излишки накопившегося для термической обработки грешников «масла».

Даже на фоне ночного неба явственно просматривались поднимающиеся вверх клубы черного дыма, покидающего ад через «дьявольскую трубу», а вывалившийся кипящий желтый язык жадно охватывал склоны горы, неестественно быстро подбираясь к зажатому меж двух хребтин поселению. Ничего не понимающие, полусонные жители, выскакивали на улицу и со страхом разглядывали раскрывающийся над ними огненный зонтик. Деревня была обречена. Женщина повернулась к распятию, опустила на колени и зашептала:

«Доля, что желала ему я, убила бы сына моего, но Ты, Господи, мудрый и любящий, забрав в море его, спас от огня. Даруй ему, как мне сейчас, осознание терпения, порождающее веру и вызывающее не осуждение Воли Твоей. В этих одеждах пребывает Птица Счастья, за которой отправился сын мой, а не в окрашенных разными цветами перьях, как чудилось мне. Благодарю Тебя».

Она едва успела наложить на себя крест, как огнедышащий вал смел, стоящий на его пути последний дом, и со злорадным шипением тысяч и тысяч рептилий погрузился в океан...

Адам болезненно поморщился, потер лоб ручищей и когда снова взглянул на Синюю Птицу, то изумился произошедшей в ее облике трансформации – оперение потеряло цвет, точнее, приглядевшись, великан понял, что пера на существе не осталось вовсе, перед ним пульсировало некое светящееся пятно, излучавшее определенно ощутимую энергию.

– Одна живая душа, – тут Адам осекся, сообразив, что произошло внизу. – В общем, одна из ипостасей Евы дала мне новую подсказку, только что.

То, что недавно представлялось птицей синего цвета, затрепетало, словно крыльями, языками пламени:

– Любая истина сокрыта за семью печатями, таков закон погружения от Альфы до Омеги. Если перевести молитву той женщины в высший план, то подсказка будет звучать так:

только потеряв веру в Отца Адам (человечество) мог покинуть (энергетически) Рай. Создатель даровал, а по сути, пожертвовал Собой, энергию, отменяющую веру (убирающую связь между Отцом и Сыном), то есть Единство Создателя и Творения. Это и есть долг, возврата которого ждет Бог.

– Как просто и прекрасно, – взволнованно прошептал великан.

– Простота восприятия обманчива, – пляшущий огонек снова вернулся к любимому занятию, чертить восьмерки. – Не возвращенный долг – всегда энерго-перекос, в случае с Богом это Конец Света, смена расы, переход. Каждая раса вскрывает свою печать, у тебя – пятая печать, но ты прав – осознание долга, воистину прекрасно.

Я ухожу, все, что надобно было мне, увидено, все, что требовалось тебе, мною сказано, все, что есть Бог, Им будет получено, не рано и не поздно, в свой срок.

Когда погаснут звезды

Джульетта: «Ты будешь любить меня вечно?»

Ромео: «Я буду любить тебя страстно,

Пусть страсти стезя скоротечна,

Но в вечности звезды гаснут».

Вот бы остаться наедине с собой, жаркой июльской ночью, да под звездной, мерцающей россыпью, и облегченно выдохнув, улечься, но не на траву, где полно насекомых, которые тут же примутся щекотать изнеженное тело, а не менее назойливые цикады оглушат своей трескотней, но погрузиться в облако, вон то, что зависло над рекой и с удивлением разглядывает пухлые бока, наросшие за день, дабы, устроившись с королевским комфортом на сизых перинах, направить взор свой к бесчисленным светилам и, размяв горловые связки, проорать в убаюкивающее пространство единственный вопрос: «Что есть любовь истинная?» – и желательно в качестве ответчика получить кого-то знающего и мудрого, да хоть бы и самого Господа Бога.

Стоит ли говорить о том, что не примени тот самый вожделенный ответчик возникнуть в сознании, например, с сентенцией вроде – что же именно интересует тебя? – как судорога неожиданности задерживает размякшие члены, и трепыхающаяся плоть, разорвав влажные простыни небесного ло-

жа отправит тело мое в образе кувыркающегося акробата назад, навстречу с шуршащими в травах букашками и неумолкающими цикадами.

Там, на земле, ощутив позвоночником все неровности тверди, несущейся в океане Вселенной с безумной скоростью, я, пожалуй, по достоинству оценив устойчивость обретенного положения и набравшись храбрости, отвечу незнакомцу:

– Прожив на Земле столько лет, я ничего не знаю о любви, кроме правильного написания обозначающего ее слова и затертого, засаленного, упрощенного и уплощенного его звучания. Всяк произносит «любовь» легко и свободно, но в легкости сквозит непонимание, а в свободе – безответственность. Где же, среди столь обширного многообразия, – тут я подниму глаза к усыпанному светляками ночному небу, – определить ту, единственную, истинную, не чашу с мертвой водой, но Грааль, наполненный до краев живой.

– Господь Бог – носитель того, что ты ищешь, – прозвучит тогда всеведающий и мудрый Голос: – Он маяк, бери смело Его за ориентир и смотри, не моргая, как поступает Он.

Тут бы мне и провалиться сквозь животрепещущее ложе от нахлынувшего стыда, но я тем не менее решаюсь спросить:

– А как поступает Бог?

Голос, по всей видимости, весьма удрученный подобной безграмотностью, не без иронии ответит: – В том нет ника-

кого секрета, истинно любящий Бог отпускает все время, поелику нет смысла (и замысла) удерживать, когда отпущенный способен вернуться сам.

Я излишне нервно стряхиваю небольшого жука с длинными усами и изумрудным панцирем с носа, а Голос, не нарушая хрупкого равновесия между нравоучением и сарказмом, продолжает:

– Энергия любви, мой друг, есть энергия освобождения, освобождения от самого источника любви, его уз. Истинная любовь не привязывает, Господь раздает Себя в надежде на возвращение. Самопознание – это процесс получения себя самого в более насыщенном (исследованном) виде. Излучение одного качества, отраженное от множества подобий, возвращается в ином, усиленном качестве.

Знаете ли, откровения случаются разные, я об источнике их происхождения. Вы заходите просто так в антикварную лавку и, не глядя на корешок, снимаете с полки чей-то запылившийся труд или, неудачно споткнувшись, врезаетесь лбом в фонарный столб, который только что собирались обойти, ну, и как вариант, бросаете мелкую монетку, чтобы не болталась в кармане, оборванцу-нищему, а он, как и лиловая шишка на переносице и книжица неизвестного автора, открывает вам Вселенную, во всех разрезах и подробностях ее сотворения, текущего бытия и вероятного тотального заката. Но когда чей-то Голос, не принадлежащий ни вам, ни вашим знакомым, с усмешкой и невыносимым поскрипыва-

нием начинает рассказывать о любви и Боге, становится не по себе до вспотевания ладоней и слабости в районе пупка.

Думается мне, внутренние треволнения любого индивидуума на этот счет не остановили бы Голос, коли в качестве аудитории, да и самого зала предоставили себя любимого.

– Вектор любви всегда направлен вовне, – приблизительно так Голос усиливал бы давление на размягченное сознание. – Я настаиваю всегда, такова ее (любви) суть.

На моем месте вы бы тоже не возражали, прижатые таким эмоциональным напором к мягкой, но уже остывающей, траве.

– Бог не сдавливают в объятиях, любовь, как энергия, не имеет способности стягивать, скручивать, ограничивать. Творец наполнен созерцанием и ожиданием, ибо еще один, третий аспект Его энергетической триады, освобождение, Им уже дарован в виде акта сотворения мира.

Как думаете, зашевелились бы волосы на голове от подобных историй?

«Ну, если не от вибраций говорящей головы внутри головы, то точно от бегающих по шевелюре толпами муравьев», – усмехнется пронизательный читатель, а я, пожалуй, продолжу собственные фантазии и поинтересуюсь у таинственного обитателя моей черепной коробки:

– Что же это за подарок такой, освобождение, во что упакован и есть ли на атласной ленточке, что перехватывает его картонные щеки, надпись, поясняющая, от чего?

Голос совершенно точно бы прокашлялся, ведь я задал умопомрачительный, заковыристый (как мне кажется) вопрос, а затем неторопливо начал:

– Отец Небесный даровал свободу выбора своей «плоть от плоти», человеку, изначально. Так истинно любящая мать отпускает из гнезда своего птенца без забот и чаяний. Настоящая любовь не требует и не ограничивает, любящий ради предмета любви идет на ограничение собственных свобод, вплоть до самопожертвования. Примером тому служит Иисус Христос, взошедший на крест во спасение возлюбленных им душ человек. Не потому ли взоры людские устремляются на распятие в поисках защиты, помощи и объяснений всегда, так, что Он, даже в виде слепка подвига своего является источником истинной любви?

– Источник? Никогда не задумывался о подобной трактовке великого события, – проговорил бы я, выдергивая из волос в конец обнаглевших муравьев, принявшихся откладывать меж луковиц яйца.

На что Голос ответил бы «Не сомневаюсь», в насмешливом тоне:

– Энергия любви живет в бескорыстном источнике, как только носитель любви (источник) активизирует эго-программу, цвет излучения темнеет и линии его лучей замыкаются на себя. «Звезда» начинает гаснуть, остывая и сжимаясь в черную дыру.

– Понимаю твою метафору, – возразил бы я Голосу. – Но

как тогда увязать утверждение о дарованном человеку априори возвращении, с тем, что, имея на руках свободу выбора, он, человек, может легко погаснуть при наличии эго, гораздо более изощренной и тонкой программы, нежели неокрепшее сознание индивидуума?

О, загадочный и необъяснимый Голос в голове, таинственно возникающий и миссионерски всезнающий, есть ли хоть один вопрос в бушующем и переменчивом океане бытия, на который у тебя не был бы заготовлен быстрый, как сполох молнии на фоне грозового неба, и четкий, как шаг бравого капрала, разводящего почетный караул у ворот королевского замка, ответ?

– ДНК человека кодирована на возвращение. Изгнание из Рая – некое подобие вируса, мутирующего изначальные коды Адама, – слышу я третьим ухом.

Каким образом проносится внутри меня, видимо, совсем рядом с расположением Голоса, очередной вопрос невидимому собеседнику, ибо тот реагирует моментально:

– Вкушение яблока познания привело к изгнанию, это и есть акт введения вируса.

Возлегай я сейчас не на земной травушке, а на шелковистом ковре Эдемова газона, глядишь, и яблочко подкатилось бы прямо под руку, – размечталось мне, но Голос, развеивая неустойчивые грезы о саде, полным невиданных древ и снующих меж ними диковинных птиц, продолжает бубнить:

– Адам был отравлен во исполнение замысла Творца о

самопознании, но в качестве необходимой с точки зрения всемирного энергетического баланса компенсации кодирован на возвращение, вечное стремление души вернуться в Рай (видоизмененной, то есть с самостоятельно перепрошитой ДНК) в обретенных вновь одеждах.

– Ну да, – хохотнул я. – Не с фиговым же листком на причинном месте.

– Пока еще он (листок) намертво приклеен к твоему лбу, – парирует Голос. – Но уясни себе одно: энергия любви, касаясь любого тела (предмета) во всех слоях Вселенной, вызывает ответное чувство (отражение), но только живое существо способно его проявить, а человеческой душе, единственной, дарована возможность к возвращению (познанию).

– Ух, аж дух захватывает, теперь бы самое время с примятых лютиков переместиться поближе к звездам, на космические просторы, да попытаться представить, как ледяная глыба, несущаяся с умопомрачительной скоростью в безвоздушном пространстве, отражает Божественный посыл, именуемый абсолютной любовью, отчего у куска замерзшего газа вырастает огненный хвост, пугающий смертных наводнениями, невзгодами, голодом и чумой. Здесь, в компании термоядерных громад и их спутников, не так мягко, как на облаке, не так спокойно, как на траве, и не так радужно, как в Раю, холод превращает глаза в стеклянные бусы, а кровь – в пурпурные сосульки, но мысль обретает свойства сверхпро-

водимости и невероятной ясности.

– Эй, Голос, – закричал бы я. – Неужто застыл подобием пузырька воздуха в янтарной капле? Или отсутствие мельчайших частиц, выстраивающихся в особую очередь для копирования движения твоей «гортани» на перепонку, коей Господь Бог гениально перегородил ухо человека, не дает тебе права учить меня?

На что назойливый спутник, прекрасно чувствующий себя в моем теле, как в скафандре, откликнулся бы обычным своим насмешливым манером:

– Иной раз и телесное напряжение приводит к возбуждению мыслительного процесса, но исключительно поток нисходящей любви, принятый и переработанный сердцем, вызывает именно осознанное мыслеполагание.

Здесь бы мне осознанно промолчать да послушать себя, а не Голос в себе, но я всего лишь человек, пусть и болтающийся с помощью воображения в открытом космосе без специального оборудования, с одним фиговым листком на лбу, а посему непременно вставлю:

– Как часто Господь, погруженный во Вселенские заботы, обзирающий всевидящим оком дальние пределы мира своего, отрывается от работы сий и, вспомнив о грешной земле, посылает тамошним сынам Своим энергии любви желанной?

– Ты знаешь это по собственному сердцебиению, – внутренний Голос смутить невозможно. – Каждый удар твоего

кровенного насоса есть импульс любви от Творца. Удивлен? С частотой биения твоей сердечной мышцы Господь Всемилостивый дарует жизнь своему миру.

– Но если Бог непрерывно посылает любовь человеку, как тогда (и почему) останавливаются сердца? – во мне бушует эго. – Разве в этот момент Творец перестает любить свое дитя?

Случись такое взаправду, тлеющие в ночном небе точки поплыли бы перед глазами, перестав освещать и обогревать мириады пристегнутых к ним планет, пустующих и заселенных, наполненными слезами жалости к себе и обиды на других. Вот и я собрался было всхлипнуть, но Голос, мудрый и величественный, успокоил:

– Великий Режиссер выводит со сцены любимого актера, посчитав роль сыгранной блестяще и полностью, а артисту требуется отдых в буфете.

Звезды обретают в моих глазах четкость, а многочисленные обитатели планет при них встречают рассвет вовремя. Мне все-таки стоит вернуться назад, на травянистый ковер, к таким родным муравьям и букашкам, и, в мгновение ока переместившись из-за облачных высот на милую сердцу «сыру землю», я почти счастлив, и только один вопрос, ржавым гвоздем засевший в сознании, портит картину наступившего бытия:

– А как же самоубийца?

Голос тут как тут:

– Душа, решившая прервать биологическое существование физического тела, досрочно (свобода выбора предусматривает такую возможность) как бы рвет струну во время исполнения, отчего в гармонический ряд вклеивается фальшивая нота. Это походит на удар хлыста снизу в ответ на протянутую длань Господом сверху, и, кстати, нарушающий заповеди подобен душе-самоубийце.

Он (голос) что-то еще говорит, но на мягкой траве очи мои безвольно закрываются и нет никаких сил, следить за быстрыми словами-мухами, роящимися в голове помимо воли.

– Эй, эй, еще не время, – грохочет обиженно Голос, и я просыпаюсь.

– А что есть время? – я ощупываю левое запястье, часов нет. – Как узнать время?

– Его можно рассчитать, – Голос явно обрадован моему возвращению в диалог, – по сердцебиению.

«Отстать бы ему от меня со своими загадками», – думаю с надеждой я, но понимаю, просто так от рупора, непонятно каким образом проникшего в мою черепную коробку, не избавиться.

– Слушаю тебя, – зевая протягиваю я.

– Используя свой пульс, можешь определить галактическое время не с точки зрения его соотношения с движением Земли вокруг Солнца, то есть местным исчислением скорости протекания биофизических процессов, а как осознание

его энергетической сути, задающей ритм Вселенского бытия, смены вдоха и выдоха всего Сущего.

Как бы заткнуть бубнящего «учителя» и остаться наедине с собой по-настоящему, без тревожащих извне звуков, шевелящихся под спиной лапок и слепящего света подмигивающих, как старому знакомцу, звезд.

– Тебе не пора домой? – обращаюсь я к Голосу, с содроганием думая, а где его дом.

– Пока нет, – слышу я ответ где-то в районе расположения собственного мозжечка.

– А когда пора? – безо всякой надежды задаю риторический вопрос невидимому собеседнику.

– Когда погаснут звезды, причем все, – доносится до меня уже через покрывало долгожданного сна.